

§ 1. Обречённый арьергард: дела и планы Курского общества краеведения 1920 – начала 1930-х годов

*«Он копал, подлец, что ни попадя,
И на полный срок в лагеря попал,
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу Родину с-под низа копать!
...
Но будут мои отголоски
Звенеть и до Судного дня ...
И в сноске, – вот именно, в сноске
Помянет историк меня».*

А.А. Галич.

«Когда-нибудь дошлый историк...»

«Будь же он проклят, этот Саруман! Я дружил со многими из тех деревьев, что погибли безвременной смертью от рук его слуг. Каждое из них шумело на свой, особый лад. Теперь их голосов не слышно. На месте поющих рощ остались только пни да колючки. Я молчал, терпел – и упустил время. Теперь всё! Хватит!»

Дж. Р.Р. Толкиен.

Две твердыни. II, 4.

Краеведческое движение в первое послереволюционное десятилетие стало заметным явлением культурной, общественной жизни нашей страны. Пишутся всё новые книги и диссертации о «золотой десятилетке» советского краеведения. Они выполнены в основном по печатным и архивным материалам центральных органов этого движения, рассматривают главным образом их занятия с документальными памятниками¹. Вклад первых советских краеведов в археологию, этнографию, экологию, другие отрасли гуманитарной науки и практики, их участие в разработке — поиске, охране, публикации, музейном хранении и показе памятников материальной, фольклорной, художественной культуры остаётся недостаточно ясным.

¹ См.: Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–29 гг.). М., 1989; Его же. Историко-краеведческие материалы архива Общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989; Его же. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929). М., 1991; Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов (Материалы международной конференции РАН). М., 1996; Рюмина Т.Д. Эволюция краеведения в России в конце XIX – XX веке. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 1999; Скиданов М.Е. Краеведческое движение 1920-х годов в Саратовской губернии как явление общественной и научной жизни региона. Автореф. дисс. ... канд. ист. н., 2005; Краеведение в России. История. Современное состояние. Перспективы развития. Материалы Всероссийского семинара краеведов... М., 2006.

Большинство нынешних историографов, по моим наблюдениям, этот вклад переоценивает. Кастовые же учёные, представители государственных институтов и школ, и тогда, и потом, и теперь оценивают краеведов в лучшем случае с иронической улыбкой — как наивных энтузиастов без необходимой подготовки для занятий наукой. Предлагаю читателям проверить разные оценки краеведения на примере Курского края и всего Центрального Черноземья².

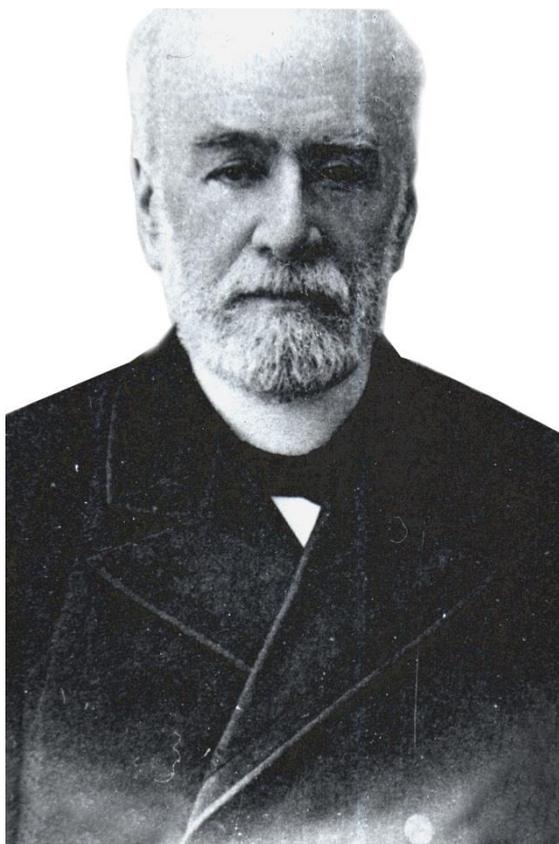
Перипетии революции и гражданской войны, в прифронтовом Курске особенно бурные, расстроили, конечно, историко-краеведческую работу, но не остановили её полностью. Одни любители-энтузиасты этого дела сменялись другими. Фактически возглавлявший Губернский статистический комитет с конца XIX века его секретарь, он же правитель дел Губернской учёной архивной комиссии *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1923), почёл за лучшее отступить из Курска вместе с Добровольческой армией А.И. Деникина в ноябре 1919 года. Тогда же эмигрировал член бывшего окружного суда и председатель Архивной комиссии *Александр Николаевич Кобылин*³. Другой плодовитый курский историк — *Анатолий Алексеевич Танков* (1856–1930), напротив, тогда же, в 1917 году возвратился в родной город из уездной Корочи, но после революции ни разу, сколько я могу судить, не выступил в печати, в различных списках советских краеведов не значился. Его главный труд — «История курского дворянства» — остановился на опубликованном в 1913 году первом томе, включавшем обзор служебной организации, а попутно всех военно-политических событий на

² Свою концепцию советского краеведения я изложил в нескольких публикациях: *Щавелёв С.П.* Обречённый арьергард: курские краеведы 1920–1930-х годов и разгром провинциальной археологии в Советской России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1996. С. 4–6; *Его же.* Курское краеведческое общество 1920-х годов и его археологические работы // Очерки истории отечественной археологии / Сост. *А.А. Формозов.* Вып. II. М., 1998. С. 187–213; *Его же.* Заслуги и недостатки исторического краеведения в прошлом и настоящем // Труды I Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). В 3 томах. Т. I. СПб., 2010. С. 43–55; *Его же.* Горизонты и тупики исторического краеведения в России // История и историческая память. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 12 / Под. ред. *А.В. Гладышева.* Саратов, 2015. С. 134–155; *Его же.* От Курской учёной архивной комиссии (1903–1922 гг.) к советскому обществу краеведения (1923–1930 гг.): разгром региональной археологии в СССР // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. *И.А. Сорокина.* М., Институт археологии РАН, 2017. С. 82–85; *Его же.* Обречённый арьергард: «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов как трагический финал организованной археологии в российской провинции // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. *И.А. Сорокина.* М., Ин-т археологии РАН, 2019. С. 55–57.

³ См.: *Кобылин А.Н.* Дом князей Ромадановских в городе Курске. Доклад ..., сделанный в общем собрании Курской учёной архивной комиссии 10 декабря 1908 года. Курск. Типография губернского правления, 1909. 7 с.

Курщине с древнерусской поры до начала Нового времени. При ссылках на эту работу первые советские краеведы избегали приводить её название, указывая просто: «Монография А.А. Танкова».

Перебрались в другие города С.В. Быков, *Александр Александрович Кандауров* (оставив дома в Курске свою нумизматическую коллекцию, которую новые власти реквизировали и передали в музей), *Лев Александрович Квачевский* (1865–1920) (учитель рисования в городских школах, один из фундаторов Товарищества курских художников ⁴), *Константин Петрович Сосновский* (1861 – после 1916), прочие чиновные и самые активные до революции члены прежних кружков курских краеведов.

*Действительный статский советник А.Н. Кобылин (1865 – после 1916) —
председатель Курской губернской учёной архивной комиссии.
Портрет из монографии А.А. Танкова.*

Статический комитет как формальная, но часть губернаторской администрации оказался автоматически распущен вместе с ней, а вот Учёная архивная комиссия как организация общественная продолжала существовать до 1922 года, числясь уже при исполкомовском подотделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины ⁵. Последним председателем Учёной

⁴ Служил акцизным надзирателем при спиртоочистительном заводе Сперанского, где занимал казённую квартиру.

⁵ Специальный декрет Совнаркома от 1 июня 1918 года юридически распустил все Губернские учёные архивные комиссии, однако в целом ряде губерний о нём узнали не

архивной комиссии в Курске оказался заведующий этим подотделом *Матвей Васильевич Васильков* (окончивший Московский археологический институт со званием учёного археолога), а его товарищем ⁶ и консультантом подотдела по истории — один из младших по возрасту членов Учёной архивной комиссии *Георгий Ильич Булгаков*. Они даже в самый разгар военно-революционных потрясений умудрялись время от времени проводить общие собрания Комиссии, принимать в неё новых членов, переписываться с уездными краеведами, совершать исследовательские экскурсии — на богатую подъёмным археологическим материалом «днюнную стоянку» в курском пригороде Мокве; по осмотру старинных «палат Ромодановских», прочих памятников архитектуры города.

Знания и личные связи Булгакова и других любителей местной старины оказались незаменимым подспорьем для новых, большевистских руководителей культуры в губернии. Совместными усилиями музейному подотделу и дышащей на ладан Учёной архивной комиссии удалось сберечь от разграбления и уничтожения немало подведомственных им материалов. «В 19–20 годах, — с законной гордостью вспоминал Г.И. Булгаков, — зачастую сотрудники подотдела (и члены комиссии) на крышах вагонов выезжали на места, чтобы спасти ценные памятники и документальные источники (например, М.Н. Еськов и В.В. Сафронов). Был случай (в деревне Мокве, в дворце Волковых, бывшем Нелидовых) — на другой день после увоза памятников здание уже горело. В Ивановском (Льговского уезда, в дворце Барятинских) [музейные — С.Щ.] сотрудники в 1919 году застали такую картину: группа граждан, хозяйничавших в дворце, затеяла оригинальную игру — по стопке тарелок от огромного сервиза (человек на 200) били с размаха кулаком — кто разбивал всё, тот считался выигравшим. Часть сервиза была спасена» ⁷ и вместе с остальным фарфором, мебелью, картинами, серебром, хрусталём, бронзой, мраморными скульптурами, нумизматической коллекцией и прочими ещё не разграбленными окрестными жителями раритетами переправлена в *Курский музей*, работавший, напомним, с 1903 года при Губернской учёной архивной комиссии, но фактически — общегородской. Он назывался историко-

сразу или же игнорировали его ещё несколько лет, сохраняя безобидные на самом деле кружки чудаков-археологов в структуре советских учреждений, а порой и наряду с ними. См., например: *Миронов В.Г.* Нижневолжское краеведение в 1917–20 гг. // Краеведческие чтения. Саратов, 1993. С. 60; *Филимонова А.В.* Псковское Археологическое общество в последние годы существования (1918–1923) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999 гг. Псков, 2000. Только когда — в итоге 1920-х годов — настоящих врагов, реально опасных для советской власти, в стране практически не осталось, большевистская контрразведка и из краеведов слепила образ врага.

⁶ Выражение «заместитель» прочно вошло в деловое словоупотребление только с 1930-х годов.

⁷ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3.

*Санаторий в курском пригороде Мокве. Современный вид.
Бывший дворец в усадьбе Нелидовых, Волковых.
В годы революции и немецкой оккупации усадьба подвергалась разорению.
До и после войны в здании размещался санаторий ⁸.
Фото с сайта «Наш город Курск».*

В 1918–1919 годах окрестные крестьяне то грабили дворец, то обращали его в собственность «общества». Наконец ими же была наконец организована охрана имения, его остатков. Работники Музейной комиссии при Наркомпросе — «эмиссары восемнадцатого года» ⁹ А.В. Грищенко, Н.П. Киселёв, В.И. Раевский — совершили гражданский подвиг, сумев во время войны и разрухи добраться до усадьбы, описать ценнейшую коллекцию, а затем благополучно доставить сохранившуюся её часть в Москву, где она и поступила в Музейный фонд. А уж оттуда сокровища попали в Государственный Исторический музей, Музей народов Востока, Румянцевский музей и его библиотеку, Библиотеку иностранной литературы. Картины из Марьино украшают сейчас музеи Москвы, Петербурга,

⁸ См. подробнее: *Холодова Е.В.* Моква // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XIX века / Сост. *Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова.* Воронеж, 2011.

⁹ См. подцензурную, правда, книжку: *Кончин Е.* Революцией призванные. Рассказы о московских эмиссарах. М., 1988.

Махачкалы, Ульяновска, Нальчика, Краснодара, Рязани, Воронежа, Нижнего Новгорода, Одессы, Харькова, Баку, Симферополя, Таганрога, Ашхабада, Ташкента, Ростова-на-Дону. В 1923 году вещи Шамякина, гостившего в 1868 году в Марьино, передали в музей Дагестанской республики. Небольшая часть мебели, картин, других предметов интерьера попала из столичного распределителя обратно в Рыльский и Курский краеведческие музеи¹⁰.

Ну, и чем же было оправдано такое распыление уникальных коллекций? Какая «культурная революция» оправдывает сокращение, уничтожение культурных сокровищ русского народа? Прибавили все эти реквизиции, а по сути дела — грабежи духовного и материального богатства нашему народу?

Свято-Троицкий (нижний) храм в Курске.

Построен к 1608 году по указу Бориса Годунова от 1597 года.

В каменном варианте возведён в 1733 году.

В позднесоветское время здесь размещался планетарий, а одно время и музей археологии. Памятник архитектуры федерального значения.

Современное фото с сайта Fotokto.

Советская биография курского музея — живая иллюстрация поэтического, но и политического призыва В.В. Маяковского:

¹⁰ См. подробнее: Холодова Е.В. Марьино // Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XIX века / Сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2011.

«Белогвардейца
Найдёте – и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
Пулям
По стенам музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старьё расстреливай!»¹¹.

*Иван Алексеевича Владимиров (1869–1947).
«Взятие Зимнего дворца красноармейцами». 1918 год.
Репродукция на сайте Информационного агентства Регнит.*

Хорошо ещё, что призыв футуристов «разрушать дворцы», избавляться от «старья» вроде Пушкина и «прочих генералов-классиков», поддержали

¹¹ Маяковский В. Радоваться рано // Искусство коммуны. 1918. № 2. 15 декабря.

Этим призывам вняли: портрет Николая II кисти Валентина Александровича Серова «висел в Зимнем дворце в спальне Александры Фёдоровны. В 1917 году матросы с особенной ненавистью кинулись на этот портрет, кинулись, как на живого человека, и не только разрубили его на множество кусков, но и проткнули на портрете оба глаза. Куски этого портрета хранятся в Русском музее ... , но реставрировать его невозможно: если бы даже и удалось собрать и склеить все куски, то глаз не существует — написать их мог бы только Серов» (Воспоминания о моём отце Валентине Александровиче Серове. Изд. 2-е, доп. Л., 1986. С. 85).

далеко не все деятели культуры, пошедшие на сотрудничество с большевиками. А.А. Блок, например, возразил Маяковскому в своем дневнике: «Не так, товарищ! Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но ... разрушая, мы всё те же рабы старого мира; нарушение традиций — та же традиция». И пророчески добавлял: «Над нами — большее проклятье... Одни будут строить, другие разрушать, ... но все будут рабами, пока не явится третье, равно непохожее на строительство и разрушение»¹². Появилось ли за сто ровно лет с тех пор это самое «третье», и что оно собой могло представлять, можно думать да гадать. Но нельзя, положив руку на сердце, не признать абсолютной правоты тех, кто просто спасал шедевры русской культуры прошлых столетий, никак не связывая с этим благородным и патриотичным делом своего личного отношения к бывшим обитателям дворцов да кремлей. Первые краеведы после революций могли быть и были людьми разных политических взглядов, но они совершенно верно поняли, что старину надо беречь при любых событиях и делали это, как только могли. Да и сам Владимир Владимирович перед добровольным уходом из жизни признал, что он «реабилитирует Рембрандта».

Советские учреждения вытеснили курский музей из занимаемого с 1905 года помещения бывшей казённой палаты и ещё целых 11 раз переселяли, пока в конце концов не втиснули в церковь ликвидированного женского монастыря (Верхне-Троицкую), в свою очередь закрытую. Все пореволюционные годы музей, даже, что называется, сидя на чемоданах, с нищенским финансированием, умудрялся не только пополнять фонды, но и проводить экскурсии (М.Н. Еськов — по археологии; П.Ф. Политковский — по старинному оружию, сам Г.И. Булгаков — по этнографии). Так что «музей знала и ценила учащаяся молодёжь, особенно студенты Курского института народного образования, неоднократно помогавшие в переноске музейных витрин из одного дома в другой»¹³.

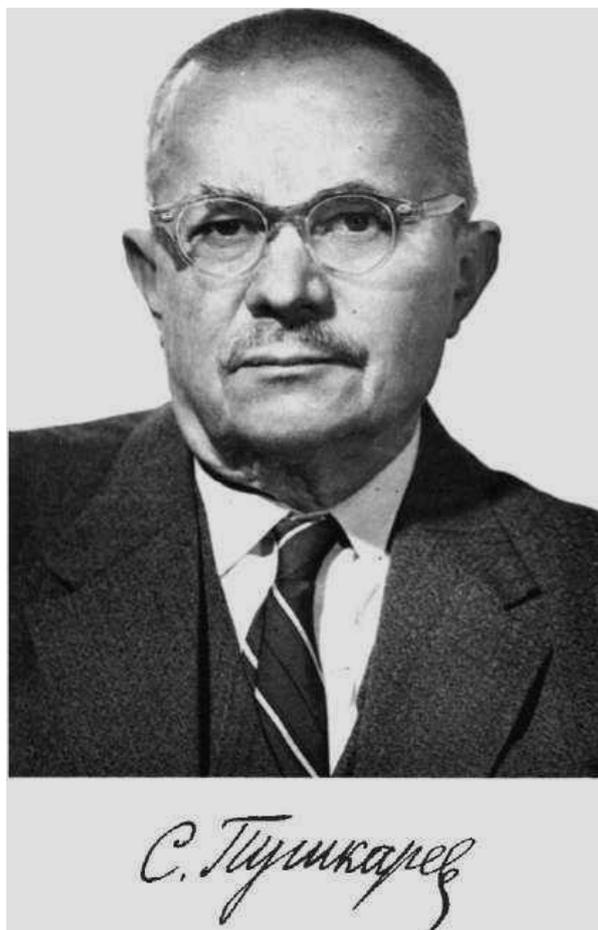
Надо заметить, что в революционную пору музей пополнялся не только обычными способами — скупки и пожертвования экспонатов, но и особенно активно таким путём, как *реквизиции антиквариата у «классово чуждых элементов»*. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Несколько архивных дел Государственного архива Курской области за 1919–

¹² Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 286.

¹³ ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 37. Л. 4.

Идея музеефикации образцовых дворянских усадеб возникла ещё в период их дореволюционного расцвета. См., например: *Инсарский В.А.* Из быта наших помещиков 1840–1850-х годов (Имение князей Барятинских «Марьино» в селе Ивановском) // Русская старина. Т. IX. 1874. № 1–2. Ликвидировав хозяев роскошных поместий сразу после своего прихода к власти, большевики довольно долго не могли дать ладу этому своему приобретению, то размещая в них производственные коммуны (как, например, в муромском Карачарове графов Уваровых), то устраивая там собственные дачи (как в «ленинских» Горках или же в тех же курских Марьине, Мокве), то просто оставив разгромленные окрестными крестьянами имения в запустении.

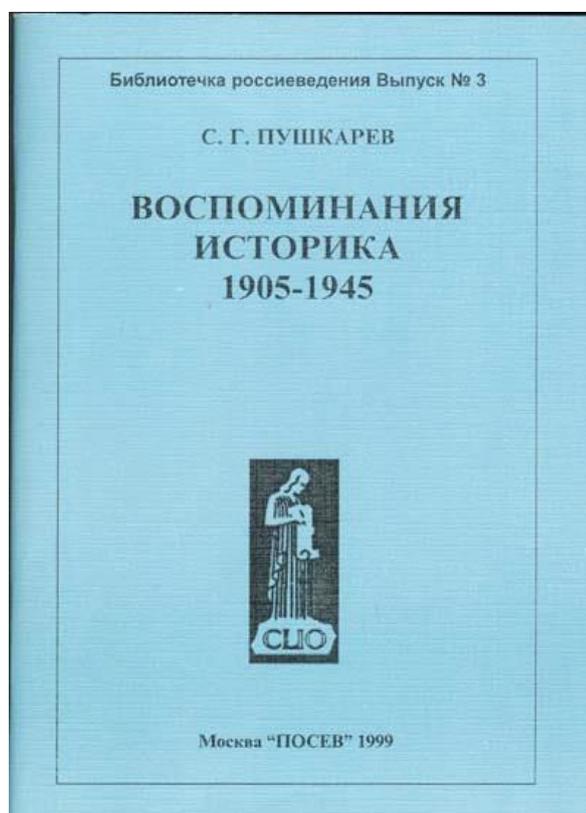
1920 годы ¹⁴ содержат перечни такого рода контрибуции, переданной на музейное хранение из губернского уголовного розыска. Чего тут только нет! Масса старых монет: десятки золотых и платиновых, тысячи серебряных и медных, включая копейки разных царей (Бориса Годунова, Михаила Фёдоровича, Петра I), денежные знаки последующих самодержцев. Кроме отобранных порознь раритетных денег, несколько нумизматических коллекций большого объёма — из дворянских имений (рыльского Марьино князей Барятинских; семьи Шварцев в Щигровском уезде); «6 мест музейных вещей, отобранных у Кандаурова» — нумизмата Губернской учёной архивной комиссии (упомянутого в числе эмигрантов выше); ещё одного курского собирателя — Данзаса; другие предметы нумизматики, бонистики, фалеристики. Кроме того, из «Угро» поступали ещё корзины, мешки, ящики, узлы — с фарфором, иконами, картинами, мелкой пластикой, ювелирными украшениями и прочими «предметами художественного характера». Показательно, что все эти, по сути, валютные ценности указаны в ведомостях приёмки кучно, обобщённо — местами багажа.

*Сергей Германович Пушкарёв (1888–1984) — американский профессор
(а в прошлом курский гимназист, харьковский студент,
рядовой Добровольческой армии, эмигрант). Архив автора.*

¹⁴ ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 5; др.

Зато менее ценные вещицы реестрированы подробно: книги, гравюры, картины-репродукции, портмоне, чётки, веера, трубки, звонки, пресс-папье, статуэтки, чернильницы, кружки для пива, ложки, иконы-списки, ладанки, образки, пепельницы, лампадки, распятия, солонки, медальоны, крестикотельники и прочие предметы личного благочестия; и так далее, и тому подобное. Сколько же квартир курских обывателей — мещан, чиновников, священнослужителей, купцов, педагогов и прочих «классовых врагов» надо было ограбить чекистам, чтобы свалить в музейную кладовую всю эту личную, в основном трудовую собственность простых, в общем, русских людей!.. За строками музейной ведомости перед нашими глазами встаёт ободранный киот, выпотрошённый сундук, опустошённый книжный шкаф, сметённый письменный стол, обобранный труп убитого без суда и следствия «контрреволюционера». Впрочем, реквизированная «у буржуев» стильная мебель, картины и гравюры также распределялись между музеем и советскими учреждениями.

Антисоветское издательство «Посев» вернуло российскому читателю замечательный труд учёного-патриота.

Вряд ли все отобранные комиссарами у мало-мальски зажиточных курян редкости дошли до музея. Сохранилось замечательное свидетельство одной из жертв подобных реквизиций — *Сергея Германовича Пушкарёва* (1888–1984), видного русского историка-эмигранта, а в 1918 году недавнего выпускника курской гимназии, студента Харьковского университета. Оставшись в начале Гражданской войны вместе с больной матерью в их

имении Прохоровке Корочанского уезда Курской губернии, он сумел сберечь господский дом от немедленного разграбления. Во время очередного обыска комиссар — «высокий энергичный человек в солдатской шинели с револьвером у пояса» — «очень долго и тщательно копался в шкафу со всякой всячиной. В одной из коробок у меня хранилась большая и полная коллекция почти из 20-ти серебряных рублей, от Петра I до Николая II. Открыв коробку, он сказал: “А, это старые деньги! Это не может быть у частной собственности, это надо у музей”, и пересыпал рубли в свой карман. Не знаю, дошли ли они до музея, — заключает историк, — но, как писал один чиновник у Щедрина, “сумлеваюсь штоп”»¹⁵.

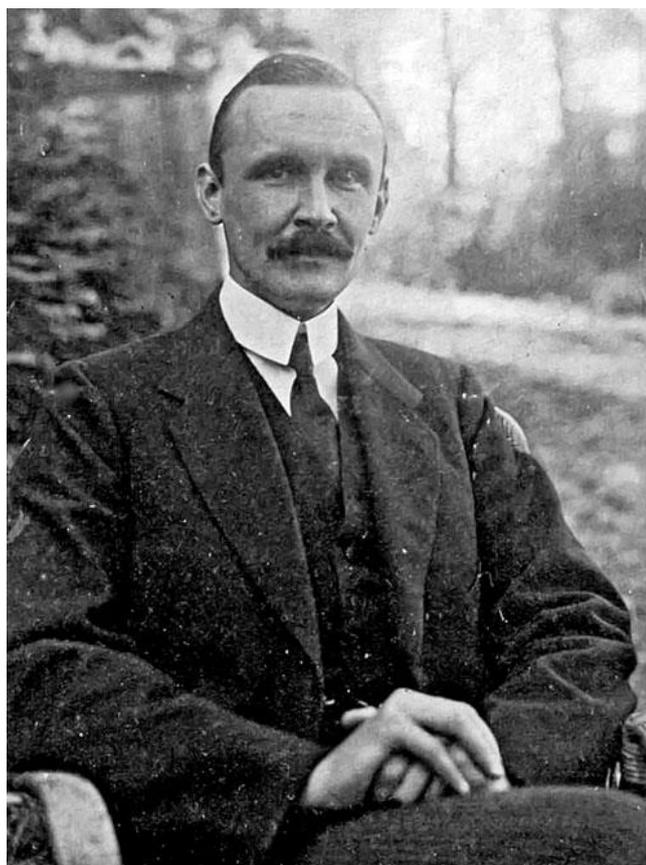
А вот свидетельство точно такого поведения чекистов в Москве. При обыске у *Сергея Евгеньевич Трубецкого* (старшего сына известного философа и общественного деятеля Евгения Николаевича Трубецкого) ему дали «подписать довольно безграмотный протокол обыска, в котором — далеко не полностью — были перечислены разные найденные у нас предметы, включая офицерские сёдла, бинокли и т.п. Всё это немедленно забрали. Я, — признаётся князь, — разумеется, подписал протокол, не обращая внимания на то, что тут же чекисты уносили и вещи, не внесённые в опись, очевидно, в свою личную собственность. ... Я радовался, что меня тут же не арестовали... Часть из вещей у нас увезли сразу после обыска. Но мне сказали, что за некоторыми другими вещами, в частности, за несколькими ящиками северских и саксонских сервизов, которые у нас нашли, пришлют грузовой автомобиль. На мой вопрос, почему у нас отнимают фарфор, я получил ответ: "Нельзя держать посуду в ящиках, когда она нужна трудящимся". При этом чекист, не без наивности, производил опись содержимого ящиков: столько-то блюд, чашей, тарелок и "кукол" (фарфоровых фигурок). ... В конце концов ... весь спасённый нами старинный фарфор вместе со старинной мебелью и разными вещами "бывших князей Трубецких" (так было сказано в ордере) был всё же увезён в "дома трудящихся" и "детские столовые". Помню, как на грузовик грубо швырнули голландский шкафчик петровских времён, и он развалился на куски. "Ничего, на дрова пойдёт", — говорили грузчики-чекисты. Может быть (и то только "может быть"), мне удалось спасти тогда один дивный северский сервиз "уник". Я, как бы невзначай, сказал начальнику-чекисту, забравшему наши вещи, что сервиз этот стоил не меньше 10 000 рублей золотом. Чекист тут же приказал погрузить его вместо грузовика на свой легковой автомобиль. Я надеюсь, что чекист этот продал этот сервиз в свою пользу и тем способствовал сохранению этого предмета искусства от бесславного конца в "детской столовой"»¹⁶.

Революционеры не видели никакой исторической, художественной ценности массового конфиската, и значительная, едва ли не большая его

¹⁵ *Пушкарёв С.Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999. С. 62.

¹⁶ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 195–196.

часть погибла или была вульгарно расхищена в частные руки, не дойдя ни до каких музеев и картинных галерей. Если учесть, что в запасниках государственных музеев, особенно провинциальных, заметная часть коллекций оказалась в дальнейшем депаспортизирована и по разным причинам утрачена, то станет яснее, каким гигантским ущербом для русской культуры обернулась революция. Кроме уничтожения памятников архитектуры да археологических коллекций, оказалось грубо и глубоко искажено общественное сознание: шедевры прошлого предстали не национальным достоянием, а богатствами «буржуев», якобы награбленными ими у народа. Восстановить историческую память и уважение к национальной старине в должной мере не удалось до сих пор.

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949) — литератор, преподаватель философии Московского университета, общественный деятель. После длительного тюремного заключения в ЧК выслан из России в 1922 году. Фото с сайта «Личности».

Такова была внешняя обстановка зарождения советского краеведения в этой, достаточно типичной для российской провинции губернии. «18-й год был убийственно голодным для бедноты, — констатировал замечательный русский писатель историко-этнографического толка А.М. Ремизов в автобиографическом повествовании “Взвихрённая Русь”, — 19-й — холод и смерть.

Обыски и анкеты вымуштровали и самых расхлябанных простецов: всякий теперь исхитрялся, как бы провести или обойти предусмотрительно; а от постоянного голода окончательно обвыкли на воровстве»¹⁷.

А вот свидетельство беспартийного очевидца того самого места и времени, о котором здесь идёт речь: «Весной 1919 года губернский Курск ещё не был тронут разрушениями Гражданской войны, но являясь, по существу, прифронтовым городом, выглядел изрядно потрёпанным. Заборы, разделявшие обывательские усадьбы, разобраны на топливо; разбитые булыжные мостовые залиты огромными лужами; витрины ... забиты фанерой; на путях железнодорожного узла — крупнейшего в Средней России — вереницы потухших паровозов и толпы мешочников. Вши, сыпняк, голод. Жестокий голод времён хозяйственной разрухи и продразвёрстки»¹⁸. А затем ещё — оккупация действующими армиями, красной, белой и снова красной, местами даже чёрной — махновской¹⁹; а значит — бои, аресты, расстрелы, грабежи и с той, и с другой, и с третьей из воюющих сторон.

Слава богу, мы, пусть и сто лет спустя, дожили до возможности сказать правду о революции. «Переворот в октябре 1917 года большевики совершили вопреки воле не только правившей тогда элиты, но и подавляющей части населения страны. ... В отличие от Февральской революции, которая победила в стране менее чем за месяц и в основном мирным путём (бои шли главным образом в Петрограде), большевики встретили вооружённое сопротивление во множестве городов. ... В целом процесс "советизации" страны, окончательно добивший Российскую империю, затянулся примерно на пять месяцев. Но затем, с весной, народ стал пробуждаться от спячки. Причины известны: в городах случились уже не перебои с продовольствием, как в 1915–1916 годах, а разразился самый настоящий голод. На человека выдавали 50 или 100 граммов хлеба, а иногда и ничего не перепало. Впервые за всю историю России началась массовая безработица, достигшая летом 1918 года 800 тысяч человек. В деревне была установлена продовольственная диктатура, и продотряды, опираясь на комбеды, стали насильственно изымать у крестьян хлеб. Это вызвало небывалую волну массовых крестьянских волнений. ... Стремясь во что бы то ни стало удержаться у власти с мая 1918 года большевики переходят к массовому террору. Его вспышки периодически происходили с самого начала

¹⁷ Ремизов А.М. В розовом блеске. Автобиографическое повествование. М., 1990. С. 332.

¹⁸ Шафранов С.А. Курск 1919. Страницы культурной жизни города. 1969 г. // ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 19. Л. 2.

¹⁹ На пути рейда махновцев по Курской губернии, между Суджей и Обоянью, оказался культурный городок Короча, который неоднократно фигурирует в истории здешнего краеведения. Там, помимо обычных для них грабежей, убийств и изнасилований, люди батка разорили библиотеку и музей, погибли тысячи книг и экспонатов. См.: Демченко А. Как Курская губерния пережила нашествие Махно // Друг для друга. Курск, 2013. № 38 (988). 17 сентября.

октябрьских событий, но теперь власти ... перешли к массовым расстрелам и системе заложничества. Летом 1918 года создаются первые концлагеря. ... Это был невиданный по масштабам террор, построенный по классовому признаку. Уничтожались не столько конкретные противники, сколько целые социальные группы: буржуазия. Бывшие полицейские, офицерство, не перешедшее на службу большевикам... Под убийственный каток попали священнослужители, казачество, крестьянство и т.д. ... Даже по минимальным оценкам жертвы исчислялись многими сотнями тысяч человек. ... У белых ... не существовало самой идеологии террора. К репрессиям прибегали в основном из чувства мести за гибель своих близких, сожжённое имение и т.д. ... В России безвозвратные потери населения в 1917–1922 годах составили 13–15 миллионов человек, из них примерно 2 миллиона эмигрировали, остальные погибли или умерли. Для сравнения: в Первой мировой войне, невиданной дотоле по числу жертв, все 38 стран-участниц потеряли около 10 миллионов человек. ... Напряжение Гражданской войны в стране искусственно сохранялось. Партия большевиков была милитаризована (верхушка так и продолжала носить полувоенные френчи и сапоги) в ожидании мировой революции и борьбы с внутренними врагами, а их по-прежнему находили во множестве»²⁰.

Среди таких потенциальных жертв находились и краеведы со своей разветвлённой в центре и на местах организацией. Те, кто это понял, в неё не вступили и получили шанс сохранить свободу и жизнь (как курянин А.А. Танков). Тех, кто не понял и питал иллюзию сработаться с большевиками, ждали разнообразные репрессии — от лишения работы, запрета на профессию, исключение из профсоюза (с лишением продуктовых карточек) и вплоть до высылки в «места отдалённые», лишения свободы и расстрела или гибели в северном лагере. Кое-кто, в последний момент почуввав неладное, бежал с места краеведной работы, сменил профессию и, пометавшись по стране, «замёл следы» и так выжил. Среди этих чудом спасшихся был вот такой курский археолог.

В охарактеризованных выше нелёгких условиях в 1916–1920 годах *археологические памятники ближних окрестностей Курска* впервые систематически исследовал *Лев Николаевич Соловьёв* (1894–1967). К тому времени он стал весьма квалифицированным по тогдашним меркам археологом. Он родился в селе Медвенке Обоянского уезда. В 1905–1913 годах занимался в Курской гимназии. Затем поступил на историко-филологический факультет Московского университета, состоял (недолго) слушателем Московского Археологического института. Мировая война унесла жизни двух его братьев, материальные трудности в семье вынудили Льва перевестись в Харьковский университет. Живя в Харькове в семье дяди

²⁰ *Леонов С.* Брат на брата. Последовавшие за Октябрем события раскололи страну // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2018. № 7 (1497). 16 февраля. С. 11.

— В.И. Соловьёва, гимназического учителя, подрабатывал обработкой экспонатов Этнографического музея при университете.

*Лев Николаевич Соловьёв — главный археолог Абхазии
(сбежавший из Курска в Сибирь, а затем на Кавказ от неминуемых репрессий,
постигших оставшихся на родине коллег).
Фото из брошюры Ю.Н. Воронова о нём (СПб., 1994).*

Занятия древностями увлекали его с юных лет. Ещё в 1912 году, на гимназических каникулах он помогал учителю Павлу Сергеевичу Рыкову копать гочевские курганы (о чём подробнее говорилось в предыдущей главе), а с 1914 года самолично, по открытому листу Императорской Археологической комиссии обследовал «многочисленные следы первобытного населения по береговым дюнам Сейма»²¹. Став в 1917 году сотрудником Курского статистического бюро, перейдя в 1918 году на службу лаборантом в бюро энтомологическое (действовало и такое), продолжил археологические экскурсии на родине — вокруг Курска. Их прервала мобилизация в Красную армию, участие в боях на Южном фронте в качестве заведующего клубом при политотделе 13 армии. Но и тогда и там — в окрестностях нижнего Днепра Лев Николаевич умудрялся вести археологические поиски в перерывах между боями.

²¹ Соловьёв Л.Н. — Спицыну А.А. 13 февраля 1916 года // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1916 г. Д. 125. Л. 1. Получив в 1916 году открытый лист Императорской Археологической комиссии № 639 на «раскопки в пределах Курского уезда» и 20-рублёвое пособие (Там же, л. 7), Соловьёв не сумел ими воспользоваться в связи с дефицитом рабочих рук на селе в разгар уборочной страды.

После демобилизации в начале 1921 года Соловьёв поступает в Харьковский музей младшим научным сотрудником, и занимается там в основном обработкой фонда древней керамики. Завершив учёбу в Харьковском университете, он летом 1922 года переезжает в Севастополь, где устраивается на службу в Херсонесский музей-заповедник. В Крыму опять-таки много занимался археологией — и полевой (разведки и описания древних каменных зданий и укреплений полуострова, раскопки Херсонесского «оссеариума» (костища) и так далее), и камеральной (обработка музейных коллекций, в первую очередь керамических), кабинетной (первые публикации — «Пограничные укрепления Херсонесской области»²², «Четырёхугольные башни Гераклеяского полуострова»).

В 1926 году начинающий исследователь принимает участие в I Конференции археологов СССР в Керчи, которая проводилась к 100-летию Керченского музея древностей под патронажем Отдела по делам музеев правительственной Главнауки. Там Соловьёв знакомится с В.А. Городцовым, Ю.В. Готье, Л.А. Мацулевичем, А.А. Спицыным, Н.Я. Марром, В.Б. Фармаковским; шведским археологом, директором Стокгольмского музея Т.И. Арне и другими известными учёными²³. Среди прочих докладов ему было, конечно, ближе выступление А.А. Спицына «Краеведение в археологии». Маститый археолог обозрел разведки и раскопки некоторых провинциальных центров краеведения, а именно приволжских, белорусских, украинских и крымских. В своём собственном докладе на секции ирано-эллинской археологии Лев Николаевич рассказал про обнаруженные им следы оборонительных сооружений греко-римского времени против степных кочевников на Килен-мысе (три линии укреплений, включающие круглые башни на Сапун-горе и Гераклеяском полуострове; отмечены также дороги и лагери размещения войск).

В резолюции Пленума этой конференции выделяется рекомендация, высказанная по упомянутому докладу А.А. Спицына: «...Изучение археологии столь же необходимо краеведам, как изучение биологических наук и экономики края». Следом подчёркивалось «важное значение краеведческой работы в деле предварительной фиксации и охраны памятников старины». Уже через несколько лет всё получится стараниями большевиков наоборот: отделы археологии и древней истории в краеведческих музеях будут свёрнуты, а старинные церкви и прочие памятники архитектуры всё чаще пойдут на слом — ради борьбы с религией и по ходу новой застройки. А в итоге Конференции 1926 года её организаторы предостерегли «краеведческие учреждения от самостоятельного выступления в области организации разведок и раскопок без участия специалистов-археологов». Такое сотрудничество стало

²² Тезисы опубликованы в Бюллетене № 5 Конференции археологов СССР в Керчи. С. 3.

²³ См.: Бюллетени № 1–6 Конференции археологов СССР в Керчи. [Керчь, 1926].

правилом только в послевоенное время. А намеченный на 1928 год в Москве I Всесоюзный Археологический съезд так и не состоялся — перед «годом великого перелома» заниматься какими-то древностями в советской России стало небезопасно.

С 1927 года наладившуюся было служебную и семейную (жена его Е.Х. Скорнякова, дочь художника-баталиста; сын Борис, в будущем геолог) жизнь молодого археолога нарушает болезнь (мучительный неврит). Лишившись по этой причине работы в Крыму, Соловьёв решает вернуться в родные края. Сначала он появляется в Воронеже, где сотрудничает с экспедицией П.П. Ефименко по раскопкам палеолитической стоянки в Боршеве. Но с осени 1927 года Лев Николаевич снова в Курске, где год преподавал (экономическую географию) в губернской совпартшколе, а с 1 июня 1928 года перебрался на своё законное место — стал научным сотрудником краеведческого музея, затем заведующим его культурно-историческим отделом.

К тому времени он уже выявил в округе родного города до трёх десятков поселений разных исторических эпох — от неолита до позднего Средневековья. На большинстве из них ему удалось собрать богатый подъёмный материал (керамику, орудия труда, ювелирные украшения, монеты и прочие артефакты, сдал эти находки в Харьковский исторический музей²⁴); произвести зачистку обнажений культурного слоя; сделать точные зарисовки его структуры; наиболее характерных находок; а также снять топографические планы памятников. Правда, состояние тогдашней науки о древностях не позволило этому исследователю точно классифицировать обнаруженные им культурные напластования. Так, роменскую керамику он называл (по месту — городищу, где её попало ему больше всего) «шуклинской» и полагал не славянской, а финской. Тем не менее статья Л.Н. Соловьёва с описанием данных разведок²⁵ — едва ли не единственная

²⁴ Исторический музей имени Н.Ф. Сумцова в Харькове называется в честь своего первого директора. Этнограф и историк *Николай Фёдорович Сумцов* (1854–1922) — член-корреспондент Императорской Академии наук (1905), профессор Харьковского университета, основатель Этнографического музея при нём. Объединённый музей был основан как музей Слободской Украины в 1920 году. С тех пор в него вошли коллекции ещё нескольких музейных собраний Харькова, и сейчас этот музей один из крупнейших в Европе, в том числе по своему археологическому отделу.

²⁵ См.: *Соловьёв Л.Н.* Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия КГОК. 1927. № 4; *Его же.* Пограничные укрепления Херсонесской области // Бюллетень I конференции археологов СССР. Вып. 5. Керчь, 1926; *Его же.* Перши хлібороби // Знання. 1926. № 7; *Его же.* Археологическая экскурсия на Шуклинское городище близ г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. 1929. № 4.

Перечень остальных публикаций этого автора, относящиеся к археологии Кавказа, главным образом Абхазии, см. в кн.: Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьёв. СПб., 1994. С. 72–76.

См. также: Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сборник материалов IV абхазской международной 450

полноценная публикация по археологии Курской земли за весь период от Гражданской войны до Второй мировой. К этой работе до сих пор обращаются специалисты. Далеко не каждой области новорождённого СССР повезло иметь столь профессионально подготовленного археолога, каким на рубеже 1920 – 1930-х годов был в Курске Лев Николаевич Соловьёв.

*Памятный знак на Вирском городище. Сумская область Украины.
Фото из украинской Википедии.*

В апреле 1918 года открытый лист Государственной (в недавнем прошлом — Императорской) Археологической комиссии на право раскопок «в течение 1919 г. в пределах Лубенского уезда Полтавской губернии и Путивльского уезда Курской губернии»²⁶ получил библиотекарь этой комиссии *Александр Сергеевич Раевский*²⁷. Его почему-то (вероятно, по

археологической конференции, посвящённой памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьёва (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум). Сухум, 2017. 268 с.

²⁶ Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1918 г. Д. 7. Л. 4.

Итоги современных исследований летописного Вира см.: Проблеми раннь-ослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченні 900-річчю Вира – Білопілля. Білопілля, 1994; *Приймак В.В.* Давньоруське місто Вир. Білопілля, 1997.

²⁷ *Александр Сергеевич Раевский* (1871 – после 1920) — окончил историко-филологический университет Сибирского университета. До 1917 года служил

месту рождения на Черниговщине) особенно заинтересовало городище Вырь на Путивльщине (остатки летописного города Вира). А.А. Спицын предложил ему заодно изучить курганы у села Пены Обоянского уезда, известные по разведкам К.П. Сосновского (о которых говорилось в предыдущей главе моей книги). К сожалению, эти работы не удалось осуществить из-за различных непредвиденных обстоятельств того смутного времени. Только после Отечественной войны украинские археологи приступили к систематическим раскопкам Вирского комплекса археологических памятников у местечка Белополья и ведут их до сих пор.

Василий Васильевич Алёхин (1882–1946).

Фото с сайта Центрально-Чернозёмного биосферного заповедника имени В.В. Алёхина.

Кроме Соловьёва, археологические изыскания в первые годы советской власти на Курской земле вели другие сотрудники губмузея, начиная с М.В. Васильчикова и его сына Владимира Матвеевича, на момент революции бывшего студентом математического факультета университета и слушателем Археологического института в Москве. В 1923 году М.В. Васильчиков

библиотекарем и делопроизводителем Императорской Археологической комиссии, с 1918 перешёл в её преемницу — в Академию истории материальной культуры. Гласный петербургской городской думы, затем член городской управы. В 1919 арестован как член партии кадетов и этапирован в Москву. В марте 1920 находился в больнице Брестского концлагеря, откуда вряд ли вышел. Сведения на сайте «Заклеймённые властью. Услышь их голоса».

получал открытый лист на право производства раскопок «близ Курска», но вряд ли смог им воспользоваться. Вот выдержка из отчёта руководимого ими губмузея за 1924 год: «Раскопок ... не было за полным отсутствием средств. Главным образом производятся археологические разведки с нанесением результатов на карту. ... По незнанию существующего положения о производстве раскопок, таковые были допущены Дмитриевским музеем без ведома губмузея. Вещи поступили в Дмитриевский музей. Прекращена деятельность кладоискателей в Щигровском уезде»²⁸.

Ещё в начале 1920-х гг. курские музейщики выполняли циркуляры московской Главнауки о постановке на специальный учёт памятников гражданской и церковной архитектуры — таковые были выявлены и паспортизированы в Курске, Белгороде, Путивле, Рыльске, Старом и Новом Осколах с уездами.

Во многих курских уездах тогда же открылись *небольшие музеи* историко-археологического и художественного профилей — в Рыльске, Дмитриеве, Путивле, Корочее, Судже, Белгороде, Грайвороне, большой слободе Ивановской, Щиграх.

Когда большевистская власть закрепилась в провинции, всем краеведам стала ясна необходимость новой их организации. Находившиеся некогда под августейшим покровительством, архивные комиссии себя изжили. Однако успели подготовить достойных продолжателей своих начинаний. Курский пример подтверждает вывод А.А. Формозова о том, что «после революции на базе учёных архивных комиссий возникли самые сильные краеведческие общества»²⁹. В новом объединении курских краеведов тон поначалу задавали лица, получившие высшее образование до революции; сформировавшиеся как исследователи, можно сказать, вопреки ей; прошедшие источниковедческую и организационную школу Архивной комиссии и прочих учреждений русской культуры царского времени.

Сначала, осенью 1922 года возникла немногочисленная *секция краеведения* при местном Педагогическом обществе. Среди её учредителей — М.В. Васильков, географ А.А. Вирский³⁰, Е.К. Введенский³¹, Г.И. Булгаков³², А.Н. Черневич³³, Э.И. Черномордик³⁴. Благодаря

²⁸ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

²⁹ Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. С. 71.

³⁰ Адам Адамович Вирский (1882–1977) — географ; преподаватель учительского техникума и института в Курске; доцент, затем профессор университета и педагогического института в Воронеже. См.: Вирский А.А. Очерк методики преподавания географии в начальной школе (На краеведческом материале Воронежской и Курской областей). Воронеж, изд-во «Коммуна», 1935. 104, [3] с.

³¹ Евгений Константинович Введенский (1881–1977) — экономист-статистик, заведовал Курским губернским статистическим бюро. См. его работу: Статистико-экономический обзор Курской губернии. Курск, издание Курского губстатбюро и Губплана, 1926. 144 с.

³² Георгий Ильич Булгаков (1883–1945) — курский педагог. О начале его занятий курской историей и архитектурой см. в предыдущей главе. Руководство объединением

энтузиазму этих же лиц через год, 17 июня 1923 года, состоялось *учредительное собрание Курского городского общества краеведения* (КГОК). 22 августа был утверждён устав этого объединения ³⁵. На I конференции курских краеведов в сентябре того же года несколько десятков членов распределились по секциям: 1) культурно-исторической; 2) естественнонаучной; 3) экономической; 4) педагогической. Заседания этих секций с обсуждением докладов и отчётов о проделанной работе станут основной формой совместной деятельности здешних краеведов. С пленарными докладами на этой конференции выступили видные (для советской России — первого ряда в своих специальностях, европейского уровня) учёные, профессора — ботаник В.В. Алёхин (МГУ) ³⁶, почвовед Я.Н. Афанасьев (Курский сельскохозяйственный институт) ³⁷, геолог Н.Н. Боголюбов (Воронежский университет) ³⁸. Все они или своей

курсских краеведов после революции стоило ему свободы, здоровья и, в конце концов, жизни.

³³ *А.Н. Черневич* — курский учитель, методист экскурсионной работы. См. его брошюру: *Экскурсионно-исследовательский метод в преподавании обществоведения. Экскурсии и исследовательские работы учащихся в области экономики*. Курск, Педагогическое общество, 1924. 26 с.

³⁴ *Эмилия Евсеевна Черномордик* — курская учительница. Вроде бы участвовала в революционном движении в составе одной из радикальных партий (эсеров?). После революции преподавала в учебных заведениях Курска. Состояла членом всех здешних объединений краеведов. Из жившего в Курске рода евреев Черномордик происходит также известная переводчица зарубежной литературы и мемуаристка Рита Райт-Ковалёва (урождённая Раиса Яковлевна Черномордик). А её отец, полковник медицинской службы, участник русско-японской войны Яков Меир Черномордик был городским врачом Курска с 1906-го по 1941 год.

³⁵ Полушутя, полусерьёзно говоря, эта дата подошла бы как условный **День краеведа Курской области**. Ведь до революции никаких краеведов не было. Губернские и уездные ревнители науки, собиратели памятников истории и природы своего края считали себя именно любителями науки и просвещения, помощниками учёных из университетов да академии наук. Слово «краевед» — советской выделки, вроде «стахановца», «краскома», «рабкора» и тому подобных уродцев тогдашнего канцелярита.

³⁶ *Василий Васильевич Алёхин* (1882–1946) — из семьи харьковского и курского купца, чья поначалу богатая пушная торговля кончилась разорением. Ботаник (фитоценолог, степевед, флорист), доктор биологических наук, профессор МГУ. Выпускник Курской гимназии и Московского университета. Основал там кафедру геоботаники. Первооткрыватель уникального палеоландшафта под Курском, где и был организован биосферный заповедник его имени — «Стрелецкая степь». В 1919 году по поручению земельного отдела курского исполкома провёл (в прифронтовой полосе) геоботаническую экспедицию по территории Курской губернии.

³⁷ *Яков Никитович Афанасьев* (1877–1937) — из мещан. Почвовед, доктор геолого-минералогических наук, профессор (1921), действительный член Белорусской академии наук (1928). Организатор кафедры почвоведения в Белорусском государственном университете. Расстрелян по обвинению в национализме, терроризме и контрреволюции.

³⁸ *Николай Николаевич Боголюбов* (1872–1928) — из семьи сельского учителя. Геолог, палеонтолог; выпускник МГУ; хранитель его геологического и палеонтологического кабинетов; профессор Дерптского, Воронежского (1918–1928)

биографией, или предметом научных исследований были прямо связаны с Курском. Как видно, учредительная конференция была подготовлена и проведена на совесть, основательно.

Филиалы Общества организовались в Белгороде (руководитель Н.Н. Мавровский³⁹), Рыльске (С.К. Репина⁴⁰), Дмитриеве

университетов. Изучал геологическое строение и полезные ископаемые ЦЧО и других областей европейской части СССР.

³⁹ *Николай Николаевич Мавровский* (1888–1960) — из семьи священника. Богослов, педагог. Окончил духовное училище (в Далматове Шадринского уезда Пермской губернии), Пермскую духовную семинарию (1909) и Казанскую духовную академию (1913). Кандидат богословия. Накануне 1917 года преподаватель Курской духовной семинарии, затем преподавал в народных и средних школах Белгорода. Там и возглавил кружок краеведов. В 1930 году, узнав об арестах краеведов ЦЧО, срочно покидает с семьёй Белгородчину и уезжает в Москву. Там тоже преподаёт географию и другие предметы в средних школах, педагогических училищах и техникумах. Отправив жену и дочь в эвакуацию в Уфу, пережил войну в столице. И репрессий ему повезло избежать. Треволнения в связи с «неправильными» происхождением и образованием, с гибелью многих коллег пусть будут не в счёт. Память о нём сохранена на сайте средней школы в селе Новая Таволжанка Белгородской области, директором которой он работал в 1919–1924 годах. Достойный пример для подражания! Пусть часть рукописей сгорела, но хоть часть старых фотографий обнародована. Залог бессмертия для имён многих наших замечательных соотечественников.

⁴⁰ *Софья Константиновна Репина* (? – 1934) — художница, музейный работник. Внучатая племянница И.Е. Репина. Закончила гимназию в Чернигове (1910). Училась в университете Гренобля (1913) и в Петербургской Академии художеств. Жила в Москве. Участвовала в выставках живописи. Бежав от ужасов гражданской войны и голода из Москвы, осела с престарелой матерью в Рыльске, тогда пограничном городе с временно самостоятельной Украиной. Основательница и первый директор музея в Рыльске как «народного культурно-исторического» (учреждён в 1918, открыт для публики в 1919). Собрала в музее и тем спасла от уничтожения или увозу в эмиграцию массу живописных полотен, классических скульптур и других произведений искусства из богатейших дворянских усадеб и купеческих домов трёх уездов — Рыльского, Путивльского и Львовского. Значительная часть этих произведений уже была разграблена окрестными крестьянами и использовалась в их хозяйствах — под ширмы в хатах, для кормления скота и т.п. образом. А Софья Константиновна с единственным помощником по музею — Андреем Павловичем Андреевым нашла всю эту массу реликвий и сберегла их для родины. В 1934 году её арестовали и заключили в Львовскую тюрьму, однако вскоре отпустили. На обратном пути в Рыльск, делая пересадку на станции Коренево, бросилась под поезд. Место захоронения неизвестно.

Андреев же «после плена находился в концлагере, а после освобождения уехал жить в Англию, умер в 1989 году в возрасте 90 лет» (*Чалых Н.Н.* Цит. соч.). Плен и концлагерь, надо полагать, немецкие, откуда был освобождён нашими союзниками во II Мировой войне, раз он получил возможность остаться на Западе. Сведения о них собраны: *Чалых Н.Н.* Рыльск во время немецкой оккупации и Гражданской войны // Сайт «Курск дореволюционный».

Отдельно поблагодарим и похвалим Николая Николаевича Чалых (1939 года рождения), который спас уникальные исторические свидетельства о Рыльске. Заслуженный строитель, почётный гражданин города Рыльска (2001). Целинник, военный инженер. Правозащитник. Был депутатом Рыльской думы. Попечитель церковного

(М.П. Нагибина⁴¹), Короче (М.П. Парманин⁴²), Старом Осколе (Д.М. Рождественский⁴³), Щиграх (М.Н. Исаев⁴⁴).

строительства. Автор книг по рыльскому краеведению. Как говорят наши студенты, респект и уважуха!

⁴¹ *Мария Павловна Нагибина* (1878–1943) — из мелкопоместных дворян Льговского уезда Курской губернии, где она родилась. Вольнослушательницей посещала занятия по биологическим дисциплинам в Московском университете. Закончила народный университет имени А.Л. Шанявского (1916). Нагибина она по мужу, видному учёному-физиологу растений Сергею Фёдоровичу Нагибину. Между прочим, именно он, преподавая в Московском коммерческом училище, направил на путь в науку ряд своих учеников, включая будущего академика С.И. Вавилова. Супруги — активные члены Московского общества испытателей природы при университете. В 1901 году они с мужем на лето перебирались в его небольшое имение в Дмитриевском уезде Курской губернии, где в деревне Старое Першино основали биологическую станцию МОИМ. С 1904 года она — куратор отдела цветоводства в Ботаническом саду МГУ. В 1909–1910 годах она посетила лучшие ботанические сады Европы в Германии, Бельгии, Англии для использования их опыта на родине. Составила «Большой гербарий растений Курской области», переданный в МГУ. Старопершинская станция проработала до 1930 года, там проводили исследования многие натуралисты Московского университета. После гибели мужа в 1920 году станцией заведовала его вдова. В 1925 году курская прокуратура выселила её с пятью детьми из их сельского дома как бывшую помещицу, и в 1926 году Мария Павловна возвращается в Москву, на прежнюю должность сотрудницы Ботанического сада. Там она и проработала до конца жизни, вывела новые замечательные сорта цветов и других декоративных растений. Они до сих пор ценятся цветоводами-коллекционерами и носят её имя (в том числе до 40 сортов флоксов). Ещё преподавала в сельскохозяйственном институте. Опубликовала полезные инструкции по комнатному цветоводству и озеленению городского пространства: В природу. Пособие по прохождению начального природоведения (М., 1917); За зелёную Москву, зелёные жакты (М., 1934); Уход за комнатными растениями (М., 1934). Похоронена на Новодевичьем кладбище. Можно сказать, что им — ей с супругом и детьми — повезло. Всего-то их выгнали из наследственного деревянного дома в российской глухомани, отняли любимое детище — биостанцию. Зато сейчас выведенные ею сорта декоративных цветов высоко котируются на интернет-рынке садовых растений. См. также её публикации по накопленным на Курщине материалам: *Нагибина М.П.* Краткий очерк растительности Дмитриевского уезда Курской губернии // Труды МОИП. М., 1922; *Её же.* Растительность Курской губернии // Труды Курского губернского общества краеведения. Курск, 1924.

Книгу о ней написала её племянница: *Лучицкая А.Ю.* Ботаник Мария Павловна Нагибина. М., 2007. Статью о ней Н. Трушенёвой см. в «Курской энциклопедии» Ш.Р. Гойзмана.

⁴² *Михаил Палладьевич Парманин* (1885–1956) — курский педагог, музейный работник, историк-краевед. Уроженец уездной Корочи, сын купца 2 гильдии. Закончил Корочанскую гимназию, затем историко-филологический факультет Харьковского университета. Затем всю жизнь преподавал латынь, историю и другие предметы в гимназиях, школах, техникумах, на разных курсах. Директор Корочанского (1920–1925), сотрудник Курского (1928–1942, 1941–1944) краеведческого музеев. Допрашивался по делу краеведов ЦЧО, но ареста избежал. См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Историки Курского края..., с. 199–201

⁴³ *Дмитрий Михайлович Рождественский* (1890 – после 1935) — Учитель ботаники. Из семьи священника, настоятеля кладбищенской церкви в Старом Осколе. Преподавал в педагогическом техникуме, а после его перевода в Белгород – в 456

Евгений Семёнович Птушенко (1888–1969) — орнитолог, кандидат биологических наук, доцент МГУ, директор нескольких биостанций, соавтор трудов «Птицы СССР», «Определитель птиц СССР». Фото из Википедии.

Почти в каждом из этих уездных городков имелся к тому времени, как уже отмечалось, свой небольшой музей. Археологические находки соседствовали там с чучелами животных и гербариями растений окружающей местности, с предметами крестьянского быта и прочими редкостями. Такой комплексный — родиноведческий подход возобладал в экспозициях советских музеев на местах. Потому что кроме историко-археологического да этнографического после революции активизировалось и

старооскольской школе № 1. Вместе со старшим братом *Николаем Михайловичем*, геологом, создал в Старом Осколе краеведческий музей (1923–1930). Возглавил здесь же секцию краеведов. Арестован по делу краеведов ЦЧО в 1931 году, приговорён к 5 годам заключению в концлагерь. Реабилитирован в 1978 году.

Н.М. Рождественский (1882–1981) — выпускник Харьковского университета, участник войн — Германской и Гражданской (боец I Конной армии). Будучи на должности заведующего упомянутым музеем, тоже арестован в 1931 году по делу краеведов ЦЧО, приговорён в 3 годам заключения в концлагерь, где выжил. Реабилитирован в 1978 году. Сведения об этой семье собрал: *Дригайло А.* Семья Рождественских // Форум Старого Оскола.

⁴⁴ *Михаил Николаевич Исаев* (1870 – после 1931) — крестьянин, уроженец Орловской губернии; по образованию топограф. В 1920-е годы возглавлял щигровскую ячейку курских краеведов. В 1931 году по делу краеведов ЦЧО приговорён к высылке на 5 лет в Западную Сибирь. На момент ареста официально нигде не работал, проживал в селе Гурове Советского района ЦЧО. Реабилитирован в 1978 году.

естественнонаучное краеведение. Биологи, географы, геологи, почвоведы, зоологи, орнитологи и все прочие натуралисты тоже надеялись в новых условиях жизни послужить своей стране и её народу.

Так, упомянутую выше Старопершинскую биостанцию в 1926–1929 годах возглавлял *Евгений Семёнович Птушенко* (1888–1969), ещё один натуралист тех лет европейского уровня. Потом служебная биография увела его из Курска в другие места, однако в дмитриевском Першине он продолжал исследования вплоть до закрытия станции в 1930 году⁴⁵. Так что курские работы дали ему необходимый материал для изучения птиц Центральной России.

Естественнонаучным направлением краеведения занимался в Курской губернии также *Алексей Феодосьевич Вангенгейм* (1881–1937)⁴⁶. Продолжил

⁴⁵ Родился в семье учителей начальной школы. Предки были казаками. Закончил гимназию в Екатеринодаре и Харьковский университет по курсу биологии позвоночных. «Евгений Семёнович, на первый взгляд сухой и сдержанный в своих эмоциях человек, на самом деле обладал тонкой поэтической душой, писал стихи о природе и птицах. После его кончины эти стихи были найдены и собраны его дочерью Галиной Евгеньевной. В них звучат тёплые строки о Родине, её неповторимых просторах, любимых Каракумах и Туркмении, родных и близких. Отдав всю свою жизнь бескорыстному служению науке и образованию, воспитав несколько поколений учёных, Евгений Семёнович не удостоился высоких наград и званий. Однако он имел среди коллег самую высокую и безупречную репутацию, которую заслужил своим честным и подвижническим трудом. И лучшей оценкой его как учёного и педагога будет то уважение и благодарность, которую он оставил в сердцах сотен выпускников Московского университета» (*Ильичёв В.Д.* Птушенко Евгений Семёнович // Сайт «Союз охраны птиц России»). См. также: *Ильичёв В.Д.* Жизнь во имя орнитологии. Евгений Семёнович Птушенко (1888–1969) // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27. Экспресс-выпуск № 1608.

⁴⁶ *Алексей Феодосьевич Вангенгейм* (1881–1937) — сын (третий ребёнок из 8 детей) агронома, народного учителя. Учёный метеоролог. Окончил Орловскую гимназию и физико-математический факультет МГУ, затем Московский сельскохозяйственный институт. Студентом вступил в РСДРП, участвовал в студенческих волнениях. За это был арестован и приговорён к ссылке в Сибирь, заменённой высылкой в курское имение отца. Вольноопределяющимся поступил в армию и служил в артиллерии. В чине полковника участвовал в I Мировой войне как руководитель метеорологической службы 8 армии. На австрийском фронте отражал газовую атаку противника, награждён за храбрость золотым оружием. Занимал руководящие должности в советских учреждениях — Пулковской обсерватории, Главнауке Наркомпроса и др. Вступил в ВКП(б). Профессор кафедры физики МГУ. В 1929 году основатель и первый руководитель советского Бюро погоды (ныне Росгидромет). Председатель Гидрометеорологического комитета при Совнарком СССР. В 1920–1931 годах — заместитель председателя Центрального бюро краеведения. Главный редактор «Известий ЦБК». В 1934 году арестован за «контрреволюцию и шпионаж» и осуждён на 10 лет концлагеря, отправлен на Соловки. Там работал в библиотеке. В 1937 году приговорён тройкой НКВД к расстрелу и расстрелян. Реабилитирован в 1956.

Лагерные письма его к дочери теперь факсимильно опубликованы в Интернете, на сайте «Тогда». В одном из писем к жене он писал: «Пусть из нашей дочери выработается такой же самоотверженный работник, какими были мы с тобой. Передай ей мой энтузиазм». Пожелание сбылось. Дочь издала книгу памяти отца: Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм / Авт.-сост. *В.В. Потанов, Э.А. Вангенгейм*. М., 2005.

дело своего отца, заслуженного агронома-опытника, который основал в Курской губернии опытное поле ⁴⁷. Имение отца на хуторе Уютном Дмитриевского уезда после Октябрьского переворота было национализировано, но опытное поле оставлено работать. Вангенгейм-сын закончил МГУ и Московский сельскохозяйственный институт, стал видным учёным и организатором науки, ветераном Германской войны. В своей родной курской глубинке с 1917 года он переживал революционную грозу. Поступил на должность инспектора народного образования Дмитриевского уезда, а затем и уездного агронома. В 1919 году организовал в Дмитриеве музей, в котором гуманитарные экспонаты сочетались с природными. Переезд в 1920 году из уездной глубинки в Ленинград и затем в Москву привёл его к неизбежным для людей с таким прошлым репрессиям и гибели.

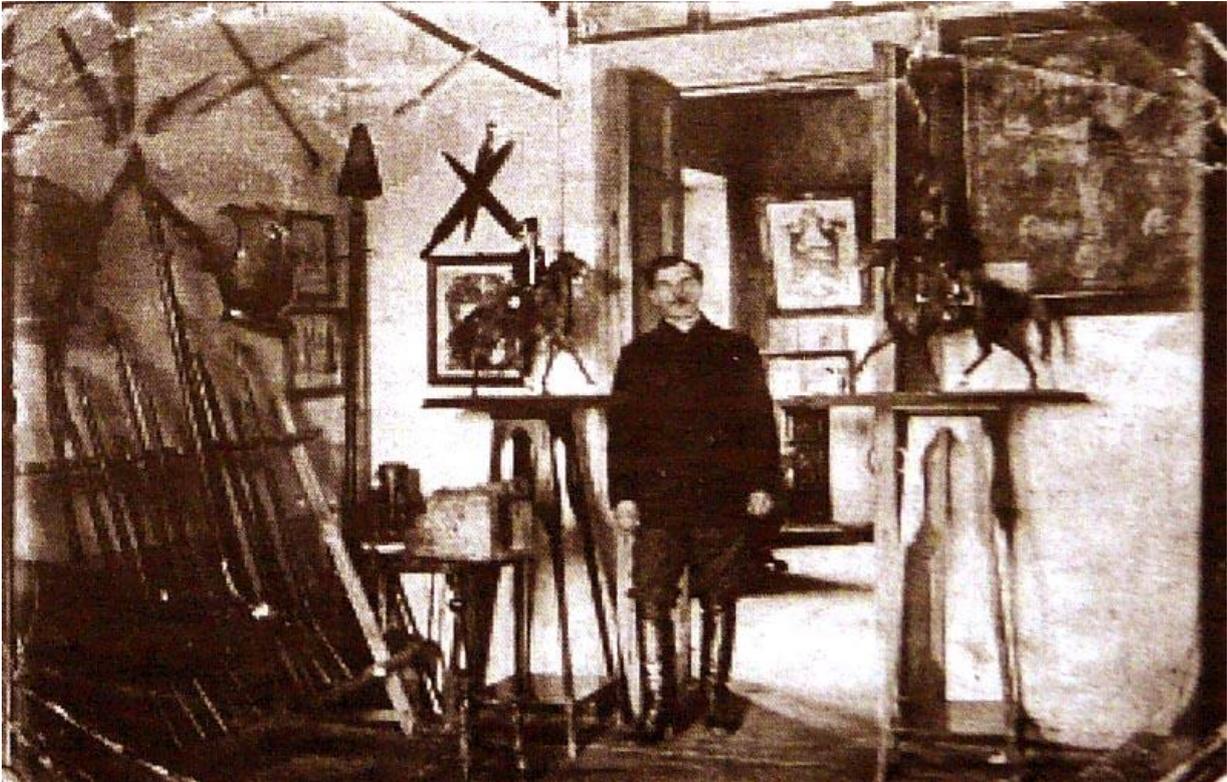

⁴⁷ *Феодосий Петрович Вангенгейм* (1859–1925) — один из первых специалистов по сельскохозяйственной метеорологии. Земский деятель. В 1895 году организовал в своём хуторе «Уютное» Дмитриевского уезда Курской губернии метеорологическую станцию и образцовое опытное поле, которым руководил в течение 22 лет. С 1919-го по 1925 год работал штатным специалистом при Наркомземе Украины. Изданы тщательно разработанные им отчёты (совместно с Л.И. Дирбе) по Уютненскому полю: Уютненское опытное поле. Итоги работ. Курск, 1913.

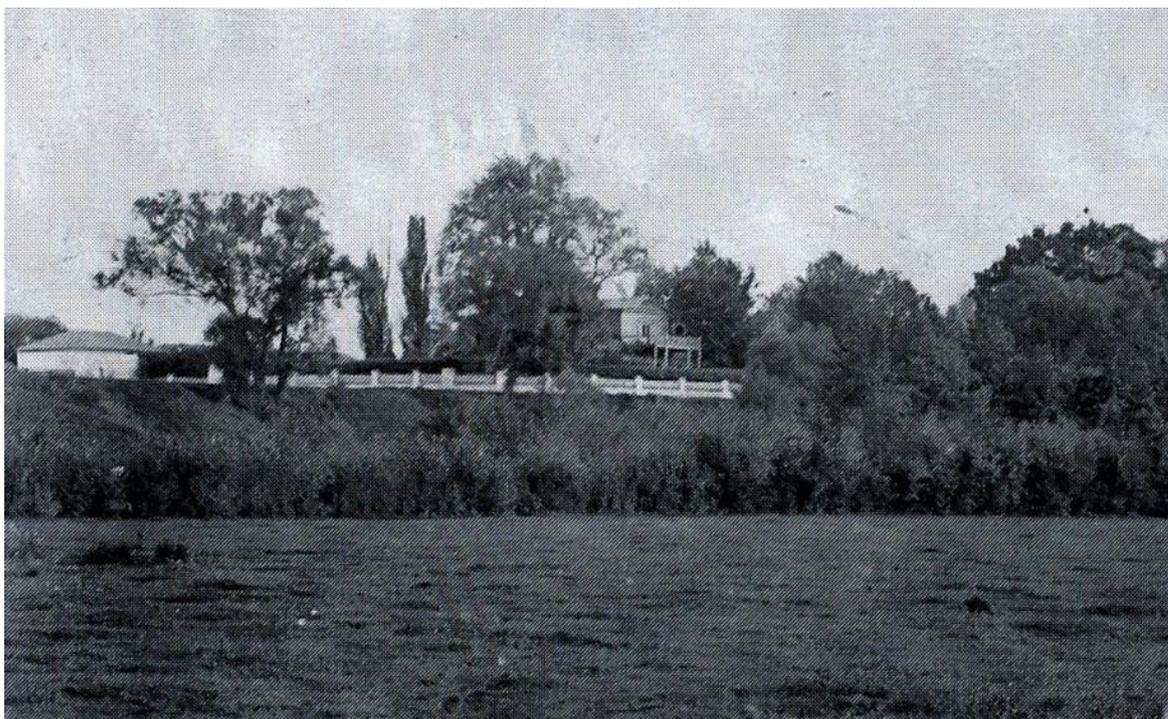
См.: *Вангенгейм Ф.П., Вангенгейм А.Ф.* Отчёт по Уютненскому опытному полю. Курск, 1912. 148 с.

*А.Ф. Вангенгейм — учёный, практик, социал-демократ.
Он же заключённый на Соловках. Фото с сайта «Бессмертный барак».*

*Андрей Павлович Андреев на фоне созданной им экспозиции
Рыльского окружного музея. Фото в 10-летнюю годовщину учреждения — 1929 год.
С сайта «Курск дореволюционный» из материала Н.Н. Чалых
«Рыльск во время оккупации и гражданской войны».*

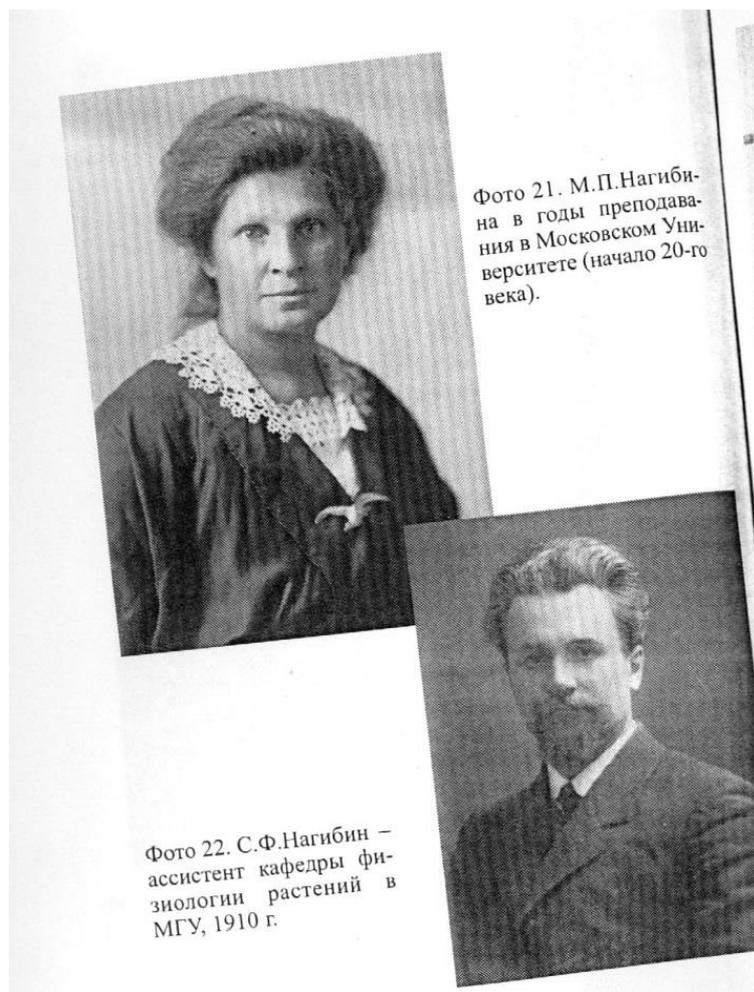
Старопершинская биостанция МОИП. Фото с сайта Центрально-Чернозёмного государственного заповедника имени В.В. Алёхина.

Фото 29. М.П и С.Ф.Нагибины в своем доме в Старопершинской усадьбе, 1901 г.

Фото 30. М.П.Нагибина перед выездом в маршрут по сбору растений в бассейне р. Свапы в Дмитриевском уезде Курской губернии. 1912 г.

Иллюстрации из книги А.И. Луцицкой о М.П. Нагибиной.

А главный в губернии — Курский музей удалось наконец перевести в «подходящее» здание — бывший дом архиерея, возле Знаменского собора мужского монастыря (конечно, закрытого и в дальнейшем, к 1937 году превращённого в главный кинотеатр города, названный, конечно, «Октябрь»). С помещением музейщикам помог руководитель губисполкома Г.К. Прядченко⁴⁸, которого на своей I конференции краеведы предусмотрительно избрали своим председателем. Памятуя, должно быть, что «непременным попечителем» Губернской учёной архивной комиссии некогда значился губернатор. Повседневное же руководство всеми без исключения краеведческими делами осуществлял Г.И. Булгаков, ставший учёным секретарем новоявленного КГОК.

⁴⁸ Григорий Кононович Прядченко (1895–1937) — уроженец Курской губернии. С 14 лет работал сапожником. Будучи призван в армию, служил писарем в Старом Осколе Курской губернии, откуда и начал восхождение по советским чинам в Курске, Тамбове, Харькове. В итоге — комиссар дивизии латышских стрелков. Член ЦК Коммунистической партии Украины. Расстрелян как «участник антисоветской террористической организации». Палачи краеведов тоже получали свою пулю в затылок. Жаль, не все.

*Вид на пойму реки Свапы с места бывшей биостанции Нагибиных
в Старом Першине Дмитриевского района Курской области.*

Он же в основном вёл научное и техническое редактирование *печатных изданий краеведческого общества*, которые по своему объёму и систематичности если и не превзошли дореволюционную периодику историко-краеведческого профиля, то сравнялись с ней: сперва два выпуска «Сборника по природе, истории, культуре и экономике губернии» — «Курский край» (1925–1926), а затем и регулярные «Известия Курского губернского общества краеведения» (1927, № 1–6; 1928, № 1–4; тираж от 600 до 1000 экз.); серия брошюр и листовок.

На своей II конференции в октябре 1925 года курские краеведы переименовали своё общество в губернское. В этот период оно достигло максимальной, пожалуй, численности — в Курске более или менее регулярно посещали заседания краеведов, вели собственные разыскания в этом направлении около 50 человек («27 педагогов, 3 агронома, 2 рабочих, 7 разных», согласно подсчётам Г.И. Булгакова). Выделилась новая — юношеская секция (до 20 человек).

III конференция (май 1927) обсуждала уже первые отчёты с мест (сеть уездных отделений к тому времени расширилась за счёт Суджи, Глушкова, Коренева, Белой). В работе каждого из уездных филиалов участвовало человек по 20–30.

*С сайта Рыльского краеведческого музея —
филиала Курского областного музея археологии.*

Тогда же встал вопрос о переходе к плановому (в духе социалистического времени) изучению края, прежде всего его естественно-производительных ресурсов. Такая постановка вопроса не спасла краеведческий актив от окрика со стороны «партийной прослойки», чьи рьяные представители строго предупредили ветеранов местной историографии от чрезмерного уклонения в область культурно-историческую, в ущерб злободневным интересам политики и экономики.

В 1928 году Курск слушали на заседании Центрального бюро краеведения (ЦБК) в Москве. Перед тем с инспекторской проверкой город посетили руководящие сотрудники этого органа — И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Т.Б. Лозинская — всё высококультурные,

доброжелательные к провинциальным коллегам люди ⁴⁹. В итоге на ЦБК постановили «признать в общем и целом линию работы краеведческих организаций Курской губернии и, в частности, Курского губсовета Общества краеведения, правильными» ⁵⁰ и рекомендовали, как водится, «усилить» в краеведческой работе и то, и сё, и пятое, и десятое.

*Н.Н. Мавровский — студент казанской духовной семинарии.
С сайта Новотаволжанской средней школы Белгородской области.*

Курское общество переписывалось не только с ЦБК, но и со многими другими родственными инстанциями и объединениями из разных регионов СССР, обменивалось с ними печатными изданиями (эта дореволюционная традиция удачно «легла» на коллективистскую общительность советского

⁴⁹ См.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 415. Впоследствии все трое инспекторов из ЦБК были арестованы по вздорному обвинению в антисоветской деятельности, а Н.П. Анциферов осуждён на много лет концентрационных лагерей. В вину ему ставилась фантастическая роль связного между «штабом контрреволюционеров» в ЦБК и периферийными организациями краеведов-«вредителей», куда он по роду службы неоднократно выезжал для инструктажа насчёт музейно-экскурсионной работы. См. там же: с. 354–355. О реальном взаимопольном сотрудничестве ЦБК и периферийных лидеров советского краеведения см.: *Рыженко В.Г.* Личность в истории культуры России 1920-х годов (к проблеме взаимосвязи научно-практических традиций «центра» и «периферии») // Проблемы истории науки и культуры России. Омск, 1993.

⁵⁰ В центральном бюро краеведения // Известия КГОК. 1928. № 2. С. 55.

этоса ⁵¹). Заведующий белгородским музеем *Павел Иванович Барышников* (1863 – после 1929) ⁵² даже собрал по почте обширную коллекцию уставов и программы различных краеведческих обществ и музеев. В получившемся сборнике (12 печатных листов, остался неопубликованным) составитель отмечал: «Судя по имеющимся у меня материалам, краеведное дело и музейное хорошо идёт в Воскресенске и Дмитрове (Московской губернии), Вологде, Рязани, Костроме, Пскове, Новгороде, Гомеле, Владикавказе, Иваново-Вознесенске, Чите, Хабаровске и др. местах» ⁵³.

Мария Павловна Назибина. Фото 1914 года с сайта «Флоксин».

⁵¹ «Коммуна: всё что моё, — твоё, кроме — зубных щёток» — слоган В.В. Маяковского для коммунарских 1920-х в СССР.

⁵² Педагог, методист, журналист, литератор, музейный работник. «Родился в крестьянской семье. В 1882 году окончил Белгородский учительский институт, в 1886 году — Казанский университет. Работал учителем в разных городах, с 1900 года служил инспектором народных училищ Фатежского, Льговского и Обоянского уездов Курской губернии. С 1907 года жил в Белгороде: избирался гласным городской думы, издавал газету "Белгородские силуэты", возглавлял созданный им краеведческий музей. Участвовал в составлении изданий для детей: нескольких "Книг для чтения", журнала "Родник". В 1930 году был сослан на 5 лет в Северный край (Вологду — С.Щ.), дальнейшая судьба неизвестна. В 1999 году постановлением президиума Белгородского областного суда П.И. Барышников реабилитирован» (Сайт Белгородского литературного музея).

⁵³ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Л. 22 об.

И всесоюзный читатель историко-археологической и фольклорно-этнографической литературы, в свою очередь, был осведомлён о публикациях курских краеведов благодаря соответствующим библиографическим обзорам в центральной печати⁵⁴.

Как видно, с внешней, организационной стороны деятельность советских краеведов 1920-х годов производит вполне благоприятное впечатление. Именно таковое лежит в основе восторженных оценок соответствующего периода местной историографии многими её новейшими исследователями. Однако если сравнить возможности и реальные дела, планы и отчёты курских исследователей родного края за эти несколько лет, то картина окажется более сложной.

Пожалуй, наибольший вклад местные любители старины внесли в просвещение земляков. Популяризации историко-археологических и прочих научных знаний среди школьников, студентов, взрослых горожан и крестьян в Курске и его уездах краеведами тех лет уделялось самое пристальное внимание. В Доме работников просвещения:

- развёрнут «Уголок краеведения» (до 80 диаграмм);

На старой открытке — здание краеведческого музея Белгорода, занявшего, как и в Курске, дом местного архиерея.

⁵⁴ Работы Г.И. Булгакова, Т.А. Горохова, О.А. Кусакова, М.Н. Орловой, Л.Н. Соловьёва о курских древностях представлены в кн.: *Магнус О.А. Библиографический указатель литературы по археологии*, вышедшей в СССР за 1918–1928 годы // Известия ГАИМК. Т. VIII. Вып. 4–7. [Л.], 1937.

*Знаменский собор в Курске на дореволюционной открытке.
С сайта «Курск дореволюционный».*

- опубликован пакет «программ-инструкций исследовательских работ» по всем секциям Общества, начиная с культурно-исторической;
- разработаны и неоднократно опробованы маршруты экскурсий на ближние к городу — Шуклинское и Ратское городища, с объяснительными лекциями о характере этих памятников славяно-русской истории⁵⁵.

Подобного педагогического демократизма дореволюционные организации любителей местной старины, действительно, были лишены. Гимназисты да реалисты и тогда, конечно, посещали музей целыми классами, а некоторые помогали своим педагогам на настоящих раскопках, но специальными методиками знакомства с прошлым и настоящим родного края их не баловали.

Соответственно, большинство подготовленных теперь курянами краеведческих материалов носило не столько научно-исследовательский, сколько научно-популярный или учебно-методический характер. В этом жанре лучшие работы историко-археологического содержания выполнил Г.И. Булгаков. Вот типичный для него конспект (за 1924 год) одного из

⁵⁵ См.: Соловьёв Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия КГОК. 1928. № 2; Программы-инструкции исследовательских работ. Вып. I. Программы-инструкции культурно-исторической секции. Курск, 1926; То же. Вып. II. Программы-инструкции педагогической секции Общества (по школьному краеведению). Курск, 1926; То же. Вып. III. [...] По изучению природы края в связи с производственными заданиями. Курск, 1926.

докладов перед членами Общества — по истории заселения края. «Проф. Самоквасов о предках северян. Около Моквы на песчаной дюне найден сосуд эпохи переселения народов. Северянские волости — Посеймье и Суджанская волость. 26 городищ в одной и 22 в другой. Правительственная колонизация [XVI–XVII века]. Устройство. Земледелие, садоводство, руду искали. Короча, Старый Оскол, Богатый, Вольный. Монастырская колонизация. Вольная колонизация (украинцы). Создание Белгородской [засечной] черты и ряды её укреплений. Пожелание по обследованию городищ и производству раскопок. Экскурсия по г. Курску»⁵⁶.

Археологические интересы Булгакова поначалу вполне разделялись членами его кружка любителей краеведения. Приведу показательную выдержку из протокола одного из самых первых заседаний культурно-исторической секции Курского общества (от 24 января 1925 года): «Чтение программы по собиранию первобытных древностей [подготовленной в своё время Императорским московским археологическим обществом — С.Щ.]; заявление об охране дома Ромодановских; о контакте с Городцовым и

⁵⁶ Там же. Д. 24. Л. 4.

Спицыным через Василькова М.В.; об археологической карте Курского уезда; об ознакомлении с инструкцией Спицына по исследованию Сибири; об очередном докладе Булгакова Г.И. о Ратском городище; о локализации Курского кремля; о просьбе к ближайшим от Ратского городища школьным работникам записать сказания старожилов о городище»⁵⁷. Если сравнить этот документ с фактами из предыдущих глав этой книжки, то очевидна преемственность интересов и замыслов первых советских краеведов по отношению к их непосредственным предшественникам — членам «царской» Учёной архивной комиссии, губернаторского статистического комитета, которые положили начало изучения почти всех упомянутых только что памятников старины. Более того, по этим же самым направлениям станут работать археологи Курска, появившиеся здесь в 1980 – 2000-е годы. А именно, в реставрированных «палатах Ромодановских» появится местный музей археологии; начнутся в 1990 году стационарные раскопки на Рати, продолжающиеся и сегодня; уточняются с помощью раскопок, шурфовки, геобурения контуры курского кремля; два выпуска монументальной «Археологической карты России» (1998, 2000) будут посвящены памятникам Курской области; филологи из Курского университета собирают рассказы селян про старину, издали сказки о городищах, правда, не Ратском, а Гочевских.

*Членами Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 годов по избранию от мирян Курской губернии были Г.И. Булгаков и Н.Н. Мавровский.
Фото с сайта Миссионерско-апологетического проекта «К истине».*

⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

Уже неоднократно упоминавшийся нами *Георгий Ильич Булгаков* (1883–1945) — бесспорный лидер курских краеведов все послереволюционные годы. Как по высокому уровню культуры, научной подготовленности, так и по организаторским способностям, деловой энергии. Суджанский уроженец, сын священника, выпускник курской гимназии, духовной семинарии и Киевской духовной академии (1907), кандидат и магистр богословия, он перед революцией преподавал в Курской семинарии, сотрудничал с «Епархиальными ведомостями», на общественных началах заведовал церковным древлехранилищем, публиковал статьи по церковной истории.

В советское время (в 1918–1929 годах) учительствовал, а затем и директорствовал в первой (по нумерации) школе Курска, читал по совместительству лекции в педагогическом техникуме и народном «университете», вне- и сверхштатно помогал краеведческому музею и другим учреждениям культуры губернии. Будучи бессменно учёным секретарём общества краеведов, одновременно руководил его школьно-педагогической секцией. Его рукой написано абсолютное большинство деловых бумаг этого Общества за 1924–1928 годов, когда краеведческая работа в Курске шла лучше всего. Начав всерьёз публиковаться очерками церковной архитектуры ⁵⁸, Георгий Ильич затем составил и на разные лады

⁵⁸ См.: *Булгаков Г.И.* Заветы древнего церковного зодчества и иконографии. Курск, 1920; *Его же.* Внешний вид Курского Знаменского монастыря. Курск, 1921.

В 1930-е годы Знаменский собор — эпицентр всего архитектурного профиля Курска — безжалостно перестроили под кинотеатр, разобрав четыре малых купола и две колокольни. После того, как во время Отечественной войны это здание попало под бомбёжку, и его купол оказался разрушен, какгодились бы эти работы Булгакова авторам проекта восстановления памятника архитектуры — архитектору С.И. Фёдорову и художнику Л.А. Литошенко. Но они, вероятно, даже не знали о существовании этих уникальных материалов. В результате купол бывшего (и будущего, то есть, и настоящего — в 1992 году здание возвратили Русской православной церкви) собора после реконструкции приобрёл совершенно иные очертания, чем придал ему первоначально автор проекта в стиле русского классицизма архитектор А.И. Мельников в 1915 году. Наконец, к 2000-летнему юбилею христианства Курская епархия постаралась восстановить первоначальный облик Знаменского собора (убрав колонны с фасада, пристроив рядом с его зданием колокольню и малые купола вокруг центрального барабана). Правда, реконструкция эта вышла частичной, потому что от многих концептуальных элементов прежнего здания отказались. Проект этой реставрации оказался волонтарно утверждён тогдашним губернатором А.В. Руцким, ставшим его соавтором, и не был согласован с федеральными инстанциями охраны архитектурных памятников, вызвал аргументированные возражения курских специалистов — архитекторов и историков. Обзор их мнений см.: *Маслова О.* Кому нужна пародия на памятник? // *Курский вестник.* 1999. 24 ноября. С. 4. Надо ли уточнять, что никто к экспертам не прислушался, и в центре Курска воцарился очередной новодел. Теперь уже, как видно, навсегда. Хотя в планах реновации центра Курска к его 1000-летию промелькнула идея построить ещё одну колокольню при Знаменском соборе.

дорабатывал систематический обзор истории Курска и его округа⁵⁹. В связи с учебно-просветительским изложением этой темы он ощутил необходимость дальнейших разведок и раскопок археологических памятников Курского Посеймья.

*В.Н. Лебедев и Н.Н. Мавровский — делегаты на Поместном соборе РПЦ
1917–1918 годов от съезда кляра и мирян в Курске.
С сайта Новотаволжанской средней школы Белгородской области.*

В 1924 году даже выхлопотал открытый лист на сей счёт. Следующего содержания: «Главнаукой Наркомпроса РСФСР поручено члену КГОК Г.И. Булгакову произвести в текущем году археологические разведки в пределах Курской губернии. Сообщая об этом, президиум губисполкома предлагает в случае обращения т. Булгакова оказывать ему всемерное

⁵⁹ См.: Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. Сб. по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. I. Курск, 1925; *Его же*. Курск в прошлом // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1–2; *Его же*. Современный Курск (Географический материал для комплекса «Наш город») // Там же. 1927. № 3; *Его же*. Природа и экономика ЦЧО. Географический очерк по опубликованным материалам Воронежского облплана. Курск, 1929. 40 с.

содействие в выполнении возложенных на него заданий»⁶⁰. Кое-какие полевые наблюдения за памятниками археологии Георгий Ильич успел произвести, но не более того. Вернуть полевую археологию на уровень начала XX века, когда ею занималась Учёная архивная комиссия, жителям Курска удалось только в 1960-е – 1980-е годы, то есть полвека спустя усилий Булгакова.

Кроме того, Булгаков занимался этнографией, совершив несколько поездок по местам локального проживания так называемых саянов — культурно обособленной группы крестьянского населения Курщины, законсервировавших весьма архаичные и специфические черты внешнего облика и образа жизни. Соответствующие публикации краеведа⁶¹ носят теперь характер первоисточников, ибо особенности быта и внешнего облика саянов с тех пор быстро стирались и к нашим дням улетучились вовсе.

Именно Булгаков делал установочные доклады на губернской и областной конференциях курских краеведов: «Основные этапы колониционного процесса на территории края»; «Схема краеведческого обследования деревни»; составлял программы-инструкции исследовательских работ по археологии, этнографии, истории, картографии.

Но несмотря на все усилия и достижения Георгия Ильича Булгакова по краеведческой части, советские руководители Курска в конце концов признали его не «пророком в своём отечестве», а «врагом народа».

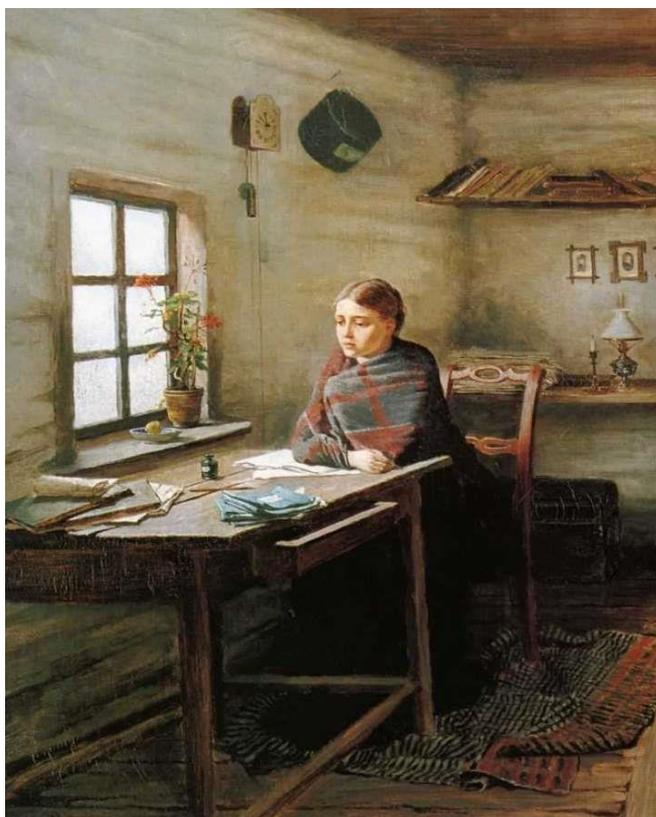
Ещё больше очень ценных этнографических материалов накопила *Екатерина Ивановна Резанова* (1866 – после 1930). Она записалась в советские краеведы на исходе шестого десятка лет своей подвижнической жизни и единственная из «бывших» честно указала в графе «социальное происхождение» соответствующей анкеты — «дворянка». Терять ей было нечего: с 1892 года она учительствовала в отдалённых курских деревеньках, на досуге записывая местный фольклор, наблюдая за археологическими памятниками (она первой обратила внимание Учёной архивной комиссии на огромный Гочевский курганник)⁶². К фольклористике её приобщил брат, видный филолог, профессор Нежинского лицея (института), а затем член-корреспондент советской Академии наук Владимир Иванович Резанов (1867–1936) (Об этом курском уроженце говорилось в предыдущей главе моей книжки). Записанные его сестрой образцы устного народного творчества суджанских крестьян публиковались в солидных академических изданиях и

⁶⁰ ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 151.

⁶¹ См.: *Булгаков Г.И.* Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении // *Курский край*. Вып. I; *Его же.* К вопросу об изучении саянских сёл края // *Известия КГОК*. 1928. № 3 (9); *Баранов С.Ф.* По саянским деревням (Из впечатлений поездки) // *Известия КГОК*. 1927. № 1–2.

⁶² См.: *Резанова Е.И.* О курганах близ с. Гочева Обоянского уезда // *Труды Курской губернской учёной архивной комиссии*. Вып. I. Курск, 1911.

до, и после революции ⁶³. Советским краеведам она предложила составленный ею за много лет «Словарь живого курского наречия», однако опубликовать его тем тогда не удалось и эта во многом уникальная рукопись, по-видимому, оказалась утрачена для науки.

*К.А. Протовский. «Сельская учительница» (фрагмент) (1883).
Холст, масло. Государственный музей изобразительных искусств Татарстана.*

Другая интеллигентная курянка, выпускница Бестужевских курсов *Софья Николаевна Ефременко* (1884–1956) с 1910 года преподавала историю, иностранные языки в родном городе. Она умело приобщала гимназисток, а затем и учеников советских школ к прошлому Курского края (чтение исторических источников, экскурсии на близлежащие городища). Вступив в члены Общества краеведов, она обработала и частично опубликовала сохранившиеся в Курском историческом архиве (так называемом на советском новоязе Истархе, наконец-то ставшем государственным учреждением) документы XVII–XVIII столетий; напечатала любопытный

⁶³ См.: *Резанова Е.И.* Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки, Суджанского уезда, Курской губернии. СПб., 1912; *Её же.* Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. I...; *Её же.* Ефим Михайлович Чепцов // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1–2; *Её же.* Народное меню села Владимирского // Там же. 1928. № 3 (9).

очерк бытовых традиций Ямской слободы — одного из старейших районов губернского центра ⁶⁴.

Стиль её материалов плохо согласовывался с требованиями большевистской идеологии. Например, свою статью о рыльской топографии она завершает следующим пассажем: «... Удел неодушевлённых предметов счастливее живых существ. Давно люди, упоминаемые в документе, ушли от нас. Сама жизнь настолько изменилась, что если б встал предок, лишь 50 лет назад ушедший от нас, он не узнал бы нашей жизни. А мёртвые предметы сохранились и будут стоять ещё долго и служить новым поколениям, в немоте своей храня предания былой старины и своим постепенно разрушающимся видом наталкивать мимолётного гостя на Земле — человека на мысль о бренности и краткости жизни человеческой».

Семья П.В. Парманина. Сидят: Палладий Васильевич, Николай, Александр, Михаил и Александра Ивановна. В третьем ряду: 4 дочери, 3 зятя и 3 внучки. г. Короча. Фотография Карпа Яковлевича Ткачева

Опубликовано В.В. Потаповым на сайте «Летопись Белогорья».

⁶⁴ См.: Ефременко С.Н. Черты жизни Курского края по архивным материалам XVII века [приказам Белгородской губернской канцелярии за июнь месяц 1732 года, хранящимся в Курскгубархиве] // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1–2; Её же. Лобановка в городе Курске и её народные песни // Там же. 1927. № 4; Её же. Топография Рыльского уезда XVII века // Там же. 1927. № 6; Её же. Слобода Ямская города Курска (в прошлом). Курск, 1928 (Фрагмент этой брошюры недавно переиздан без комментариев в кн.: Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997. С. 98–111); Её же. Историко-поэтическое описание рек Курского края // Там же. 1929. № 1–2.

Подробности биографии С.Н. Ефременко см. в статье: Бугров Ю. Любовь на всю жизнь // Летопись. Курск, 1989. Вып. 2. С. 6.

Подобные мысли, глубоко естественные для нормального человека, тем более историка и археолога, в тогдашней обстановке — накануне первой пятилетки, индустриализации и коллективизации оценивались партийными функционерами как вражеская вылазка. Всякая старина шла под снос по планам реконструкции Москвы и других старинных городов. По дешёвке распродавались за рубеж сокровища Эрмитажа и Оружейной палаты. На макулатуру сдавались из библиотек книжные раритеты с автографами великих людей России. С.Н. Ефременко больше не публиковалась в журнале курских краеведов. Хотя она почему-то избежала репрессий, состояла с 1929 года членом Всесоюзного Географического общества, жила одно время в Москве, где её приняли на иждивение Центральной комиссии по улучшению быта учёных (ЦЕКУБУ).

По тем же архивным источникам начала Нового времени выполнены этюды сельского учителя Д.А. Тарновского о Нижегородском уезде и Старицком юрте⁶⁵ — административных единицах Курского края в начале Нового времени. Попутно отмечу, как лет сто назад обычный школьный учитель с гимназической да университетской подготовкой умел читать скоропись XVII столетия в архивных столбцах и комментировать прочитанные документы. Сегодня в Курске с отъездом из него двух-трёх специалистов, такого не сумеет уже никто.

Ещё один активный краевед, *Михаил Палладиевич Парманин* (1885–1956) — уроженец уездного города Корочи («Сын купца» писал он в дореволюционных анкетах; «отец торговал» скромнее замечал он потом в анкетах советских). Окончив корочанскую гимназию⁶⁶, а затем историческое отделение историко-филологического факультета Харьковского университета с дипломом I степени (в дипломе почти сплошь — «весьма удовлетворительные», то есть отличные оценки) в 1910 году, он сначала преподавал латинский язык в гимназии города Богодухова Харьковской же губернии. Вернувшись в родную Корочу, в 1912–1925 годах опять преподавал латынь — в тамошней Александровской мужской гимназии, а кроме того, историю в учительской семинарии. Эпистолярное и личное общение с Курской учёной архивной комиссией помогло ему составить историко-археологическое описание родного уезда, где он в 1920–1925 годах вдобавок к учительству заведовал музеем⁶⁷.

⁶⁵ См.: *Тарновский Д.А.* К истории Нижегородского уезда в XVII–XVIII веках // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 5; *Его же.* Старицкий юрт Белгородского уезда // Там же. 1927. № 6.

⁶⁶ См. об этом славном учебном заведении: *Потапов В.В.* Короча: события и люди. Белгород, 2007.

⁶⁷ Личное дело М.П. Парманина, преподавателя латинского языка [КГМИ] // ГАКО. Ф. Р–4847. Оп. 3-л. Св. 28. Д. 895; *Парманин М.П.* Необходимость изучения Курской губернии в историко-культурном отношении // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3.

Дефицит образованных специалистов после революции привёл его в заместители заведующего педагогического техникума в Курске, где он обосновался с 1925 года. С этого момента и до конца 1940-х годов Парманин чередовал преподавательскую работу в курских школах, техникумах, вечерних «университетах» да институтах (по латыни, русскому языку, географии) и сотрудничество в краеведческом музее (в 1928–1932, 1943–1944 годах), дослужившись там от должности каталогизатора до заместителя заведующего. Уклон его работы в музее — археологический. В автобиографии из его личного дела содержится характерный постскрипtum: «При [фашистской] оккупации служил в музее [в своей неэвакуированной части работавшем и при немцах] на полставки. [...] Задерживался [немцами] четыре раза; отняли у меня из дома вещи, одежду, топливо; перед бегством [немцев из Курска, они меня] схватили, чтобы увезти за город [где расстреливали]; я спасся бегством по садам»⁶⁸. Если, согласно французской поговорке, стиль — это человек, то снижение стиля письма университетского отличника в его преклонные годы — это, должно быть, виновато время, бурное время его скромной жизни. Помните, в советском киножизнелице говорилось: «Белые придут — грабят, красные придут — грабят...» Парманина на старости лет грабили ещё и «чёрные» — эсэсовцы.

Этот человек пережил в рядах краеведческого Общества все чистки и реорганизации, отсеявшие, а то и погубившие большинство «отцов-основателей» этого объединения. А он год за годом риторически поднимал в губернской прессе вопрос о необходимости дальнейшего изучения края в историко-культурном отношении. По стилю устных и письменных выступлений перед нами прототип краеведа позднейших — послевоенных и нынешних времён — не слишком талантливого и эрудированного, но любознательного и напористого. Им был поставлен своеобразный рекорд краеведческого долголетия — на темы местного прошлого он публиковался в курской периодике с начала 1910-х до начала 1950-х годов. Уже после кончины заслуженного краеведа увидела свет в солидном академическом издании — «Трудах» Института русской литературы (Пушкинского дома) его статья о маршруте князя Игоря и его дружины в Половецкую степь⁶⁹. Эта работа прочно вошла в историографию «Слова о полку Игореве»⁷⁰ и достойно подытожила усилия всей жизни её автора — искреннего любителя родной истории.

Его брат Николай Палладьевич Парманин, 1889 года рождения, служивший поручиком в Белой армии, расстрелян красными 7 декабря 1920 года в Керчи. См.: Сайт «Бессмертный барак». Единая база данных о жертвах репрессий в СССР.

⁶⁸ Личное дело М.П. Парманина... Л. 4 (Хранится под вышеуказанным шифром ГАКО в текущем архиве КГМУ, № 387).

⁶⁹ См.: *Парманин М.П.* Путь Игоря Северского на половцев в 1195 году (Заметка краеведа) // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1956. С. 55–59.

⁷⁰ См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. IV. СПб., 1995. С. 14.

Под статью ему по краеведной части был *Леонид Николаевич Позняков* (1892–1953). Дипломированный чиновник, он ещё до революции изучал в отпускное время акты Московского царства по Курскому краю в Архиве министерства юстиции, публиковался в сборниках статкомитета, состоял членом Губернской учёной архивной комиссии. После Октября этот столбовой дворянин работал заведующим водочным магазином Госспирта, но покинул сие «золотое дно» ради скромной службы по призванию — научным сотрудником губернского архива, его исторической части. Его очерки об основании городов Белгорода и Грайворона, плане древней Курской крепости строились на впервые открытых им же документах XVII–XVIII веков, представляли собой редкий образец вполне научного исторического краеведения ⁷¹. Подробнее о нём расскажет следующий параграф этой главы.

Николай Петрович Сенаторский (1857 – после 1932) — личность несколько иного, при советской власти всё реже и реже встречавшегося — рафинированного, высокоинтеллигентного склада. Как и Булгаков, и Танков — выходец из семьи потомственных священнослужителей, выпускник Киевской духовной академии, сам ставший преподавателем Курской духовной семинарии и её историком ⁷². С 1915 года редактировал «Курские епархиальные ведомости», где опубликовал ряд добротных историко-церковных очерков. Затем, как водилось тогда у интеллигентов старой закалки, учитель советских школ. В 1920-е годы вышел на пенсию, но краеведческих изысканий не оставил. Его обзоры древней и средневековой истории края, в целом компилятивные, тем не менее отличались значительной полнотой в подборе источников, как документальных, так и археологических, а также рядом интересных до сих пор соображений ⁷³. Успел он опубликовать и первый в своём роде «Географический очерк Курской губернии» (1921).

Разумеется, не только ветераны, но и неопиты исторического краеведения занимались его возрождением в 1920-е годы. Кстати сказать, сам термин «краеведение» появился именно тогда. До революции его практически не употребляли. Может быть, потому, что в ту пору любители местной истории всё же стояли ближе к исторической науке, чем во времена «культурной революции», проводимой большевиками. Патетические высказывания дореволюционных историков-локалистов, областников насчёт

⁷¹ См.: *Позняков Л.Н.* Курский острог (крепость) // Курский сборник. Вып. 6. Курск, 1912; *Его же.* Белгород с уездом XVII веке // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 5; *Его же.* Город Грайворон со дня его основания до половины XVII века // Там же. 1927. № 6.

⁷² См.: *Сенаторский Н.П.* О епархиальном управлении. Курск, 1906.

⁷³ См.: *Его же.* Историко-этнографический очерк Курского края // Вестник Курского губернского исполнительного комитета. 1923. № 16–17; № 18–19; *Его же.* К истории заселения северо-западного района Курского края // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4.

«отчизноведения», «родинознания» и тому подобные носили относительно предмета, и особенно метода их занятий, скорее пропагандистский, чем концептуальный характер. Получая образование в классических гимназиях да университетах, они по своей подготовке мало чем отличались от современных им представителей университетской и академической науки. Любительство провинциальных исследователей выражалось скорее в мелком масштабе и пестроте избираемых ими сюжетов. В Советской же России с её программой ликвидации безграмотности и внедрения достижений науки и культуры в самые широкие слои населения идеи дилетантского краеведения выглядела поначалу вполне логичной. Пафос сеятелей «разумного, доброго, вечного» (Н.А. Некрасов) в массы трудящихся в советских условиях вроде бы вполне соответствовал задаче некоего синтеза знаний о прошлом и настоящем родного края, где часть этих масс проживает и которыми вроде бы должна интересоваться.

С самого начала «краеведения» любителей региональной истории её пытались переписывать под классово-партийным углом зрения. Особую ценность в краеведческом материале приобрело всё, что так или иначе связано с революционным движением, то есть по сути с бунтами и террором против царизма и отдельных частных собственников. На эти сюжеты сразу нашлись охочие авторы. Одной из них стала *Эмилия Ильинична Черномордик* (1876 года рождения), имевшая образование «в размере высшего» и учительствовавшая в вечерней школе и промышленно-экономическом техникуме. Помимо историко-партийных розысков в архиве, она исправно представляла на нескольких всероссийских и региональных совещаниях краеведов, печатала в журнале курских краеведов толковые обзоры выходившей в стране краеведческой литературы.

Анатолий Павлович Ефремов небезуспешно занимался полевой этнографией. Он описал обряды и поверья курских крестьян ⁷⁴ и начал собирать материалы для археологической карты края. Свою лепту в этнографическую фиксацию тогда ещё «живой старины» внёс и В.П. Чужимов ⁷⁵.

Кроме публикаций перечисленных только что авторов, отмечу *оставшиеся в рукописях* и частично сохранившиеся в Государственном архиве Курской области *материалы курских краеведов* за рассматриваемый период:

М.В. Василькова «Археологические материалы по Курскому краю, хранящиеся в Московском историческом музее»;

⁷⁴ См.: *Ефремов А.П.* Свадьба крестьян села Танеева (Обоянской волости Курского уезда) // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1–2; *Его же.* Поверья и приметы крестьян хутора Танеева (быв. Медвенской волости ...) // Там же. 1927. № 4.

⁷⁵ См.: *Чужимов В.П.* Этнографические этюды села Донецкая Семица Сазоновской волости Курского уезда // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 6.

Г.И. Булгакова «Саяны села Н.–Смородинного»; «Как должна быть проведена южная граница Курской губернии на основе этнографического принципа?»;

Т.А. Горохова ⁷⁶ «Стоит ли изучать старинные монеты?»; «Карта монетных кладов Курского, Белгородского и Львовского монетных округов»;

С.Н. Ефременко «Черты курской жизни XVIII века по архивным документам»; «Движение цен на крепостных в Курской губернии в XVIII–XIX веках»; «Научное описание рек Курской губернии»; «Обзор литературы по саянскому вопросу»;

Л.Н. Соловьёва по древнему и современному гончарству Курского края; «Маршрут экскурсии на Ратманское городище»;

А.П. Ефремова — вариант археологической карты Курского округа; «Одежда крестьян хутора Танеева в дореволюционные годы»; «Малопонятные слова крестьян села Любичского Курского уезда»;

Е.И. Резановой — о традиционном сельском календаре и народных промыслах губернии;

В.М. Василькова — «Археологические материалы по Курскому краю, хранящиеся в Московском Историческом музее»;

М.Н. Орловой — «Палеолитические и неолитические стоянки по материалам Курского музея»;

В.И. Стрельского «Кустарное производство цветных тканей в селе Гуторове Курского округа»;

⁷⁶ *Тихон Абрамович Горохов* (1869 – после 1951) — сотрудник Курского краеведческого музея, коллекционер-нумизмат. Родился в крестьянской семье в селе Семёновке Курского уезда. Сын крепостного, уже подростком трудился батраком, пастухом. В школе не учился; согласно лично заполненной анкете, «образования домашнего». Затем – типографский рабочий в Щиграх (с 1890); с 1893 г. по 1912 г. работал в Курской типографии. После чего занимался антикварной торговлей. Дважды (в 1914-м и 1920 годах) подвергался аресту за спекуляцию редкими монетами. В 1924–1931 годах состоял нумизматом Курского краеведческого музея. Находился в числе членов-учредителей Московского нумизматического общества (чьи разночинные руководители противопоставляли своё объединение старым учёным обществам, руководимым дворянами). Приобрёл несколько случайно найденных на территории Курской губернии монетных кладов (арабских дирхемов, русских и зарубежных позднесредневековых монет). На старости лет продавал монеты из этих кладов врозь случайным покупателям, вполне сознавая антинаучность подобной практики. Составил первый перечень монетных кладов Курской земли. Член Курского губернского общества краеведов. Будучи арестован ОГПУ по фальсифицированному делу «контрреволюционной организации краеведов», первым из курян и сразу же дал признательные показания против своих товарищей по краеведческому обществу (рассказы антисоветских анекдотов, «вредительство в экскурсионной работе»). На основании показаний Т.А. Горохова все они были осуждены к лишению свободы на разные сроки. Сам был осуждён на 3 года заключения в концентрационный лагерь. Отбыв наказание, вернулся в Курск, где доживал свой век в собственном домике, продолжая приторговывать коллекционными монетами.

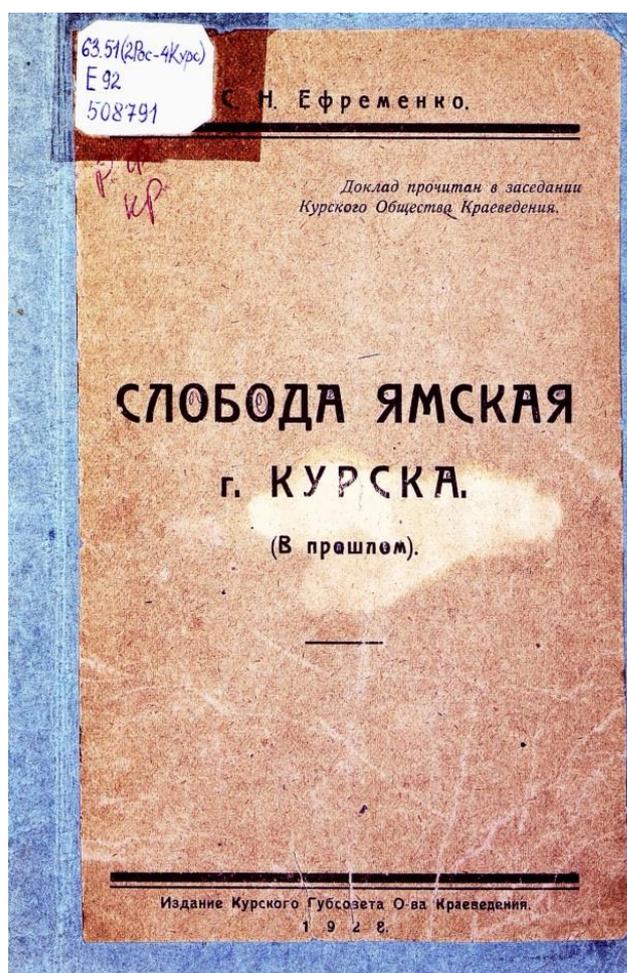
не говоря уже о менее квалифицированных опусах начинающих собирателей свидетельств курской старины, тенденциозных зарисовках очевидцев революционных событий в Курске и его уездах.

Даже из сжатого перечня тогдашних историко-краеведческих работ нетрудно видеть, что их авторы выполняли вполне сознательно поставленную перед собой задачу — дать массовому читателю понятные, но по возможности научные очерки прошлого отчего края. Причём по всем указанным уже мной, а также многим другим разделам, которые мы здесь минуем (по геологии, географии, биологии, экономике области), «доклады свои Общество ставит в открытых заседаниях, привлекающих значительное число посторонних, преимущественно из состава учащихся Рабфака, Совпартшколы, старших классов школ второй ступени и местных техникумов, которые в будущем примут участие в исследовательской работе общества, между прочим по исследованию городищ и курганов»⁷⁷, — значилось в одном из отчётов Общества курских краеведов тех лет.

Хотя по части выявления, изучения и охраны археологических и иных памятников истории и культуры успехи провинциальных краеведов выглядят гораздо скромнее. Среди их замыслов значилось: «Произвести разведку курганов, селищ, валов, песчаных россыпей, произвести обмеры и подробные описания их. Учёт всех доисторических памятников, а также исторических, в том числе кладбищ. ... Произвести раскопки в окрестностях городов Курска и Белгорода. Участие в работе по охране памятников искусства и старины»⁷⁸. Увы, намеченная Булгаковым *программа систематического обследования губернии в археологическом отношении* оказалась выполнена на самую малую долю. Кроме упоминавшихся выше разведок Л.Н. Соловьёва вокруг самого Курска, осуществились следующие походы его коллег за вещественными древностями.

⁷⁷ ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁷⁸ План работ губсовета Общества краеведения с 1 июля по 31 декабря 1927 г. // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3. С. 87–88.

Один из них предприняла *Мария Николаевна Орлова* — юная (1903 года рождения), беспартийная, но сочувствовавшая большевикам особа; крестьянка по происхождению (отец её, правда, стал ювелиром и антикваром в предреволюционном Курске). Она в 1920–1922 годах состояла в агитотделе здешнего губкома, а за 1922–1926 годы окончила 1-й МГУ. «В 1925–26 годах работала в области археологии в Музее изящных искусств в Москве. В те же годы производила археологические раскопки в губерниях Московской, Владимирской и Иваново-Вознесенской по открытым листам Главнауки за №№ 19, 37, 80»⁷⁹, участвовала в описании фондов Исторического музея, где её наставником становится сам В.А. Городцов. В её лице перед нами, таким образом, один из первых в стране специалистов по археологии советской уже подготовки.

⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.

Участники раскопок 1928 года места обнаружения «новосуджанского клада». На заднем плане стоит Н.Н. Померанцев; во втором ряду сидят Б.А. Рыбаков и А.А. Мацулевич; в первом ряду В.И. Козлов, А.А. Городцов, М.В. Городцов. Материал О. А. Радюша с сайта «Курск дореволюционный».

Став по возвращении в Курск сотрудницей губмузея, Орлова очень помогла с разбором его археологических, нумизматических коллекций, переполненных в результате массовых реквизиций у «социально чуждых элементов». Весной 1927 году она по сигналу из уезда выезжала осматривать городище и могильник на правом берегу Северского Донца, близ Белгорода. Этот памятник всюду разрушался тогда меловым карьером. Осмотр уничтожаемого меловым трестом некрополя установил его сравнительно поздний характер — XVI–XVII века⁸⁰. Участвовала товарищ Орлова ещё в двух-трёх археологических экскурсиях с коллегами по музею.

К сожалению, в дальнейшем М.Н. Орлова ушла из музея на лучше оплачиваемую педагогическую работу. Её высокая по тем временам, редчайшая в провинции квалификация археолога-полевика и музейщика оказалась в родном городе по сути дела невостребованной, а выполненная под руководством выдающегося русского археолога В.А. Городцова дипломная работа неопубликованной.

⁸⁰ См.: Орлова М.Н. Белгородское городище и его могильник // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3.

Маршруты экспедиции Главнауки по Курской губернии 1928 года.

1 – группа В.А. Городцова; 2 – группа М.В. Городцова.

По интернет-публикации О.А. Радюша на сайте «Курск дореволюционный».

В июле 1928 году губернию посетили московские профессора В.А. Городцов и Л.Н. Мацулевич, которые по поручению Главнауки и Оружейной палаты Кремля обследовали место находки так называемых Суджанских кладов (подробный рассказ о них вёлся выше, во 2 главе моей работы). С помощью курского уголовного розыска им удалось собрать часть случайно найденных в 1919 и 1927 годах крестьянами села Большой Каменец драгоценностей эпохи великого переселения народов: золотую шейную гривну с инкрустациями гранатами и цветными стёклами; золотой браслет, украшенный змеиными головками; витую золотую цепь двухметровой длины; серебряный кувшин константинопольской работы конца IV в. н. э., по клейму которого удалось датировать весь комплекс, ряд других ценностей (Подробнее об этом кладе рассказывалось выше, в параграфе о курских кладоискателях).

В.И. СТРЕЛЬСКИЙ. Два года в Сибири

Весной 2005 г. омский литературовед, писатель А.Э.Лейфер передал в наш архив материалы, связанные с жизнью и деятельностью Вячеслава Ильича Стрельского, в годы Великой Отечественной войны работавшего в архивных органах Омска. Вся эта коллекция была собрана, когда Александр Эррахмилович в середине 1980-х гг. работал над документальной книгой «Удивительная библиотека. Рассказы о старых книгах и книжниках», вышедшей из печати в 1989 г.

В одной из глав автор рассказывает об омских изданиях военного времени, в т.ч. и о брошюре В.Стрельского «Сибирь в Отечественной войне 1812 года» (Омск, 1942). Он разыскал дочь Вячеслава Ильича Ларису Вячеславовну Шевченко, которая жила в Киеве и работала в Институте истории АН Украины.

Лариса Вячеславовна прислала А.Лейферу ряд материалов об отце – фотографии, номера газет с его статьями и о нем, копии писем В.Стрельского военного времени, связанные с его творческой деятельностью, биобиблиографический указатель «В.И.Стрельский», который она подготовила после смерти отца совместно с Исторической библиотекой УССР (Киев, 1987).

Л.В.Шевченко известила, что Вячеслав Ильич скончался 11 августа 1983 г. После его смерти творческие материалы отца были переданы в архив, где создан его личный фонд.

Но и небольшая часть присланных в Омск материалов достаточно полно и ярко рассказывает нам о бывшем омском архивисте, проработавшем в нашем городе всего два года, но оставившим добрую память своими научными трудами.

Вячеслав Ильич Стрельский родился 28 сентября 1910 г. в Курске. Его отец, И.Д.Стрельков-Стрельский, служил на Московско-Киевско-Воронежской железной дороге. Он был широко образованным человеком, одним из организаторов журнала «Курский театр», позднее – редактором «Вестника Главного военно-революционного комитета Московско-Киевско-Воронежской железной дороги».

Вячеслав Ильич, еще, будучи школьником, вступил в Курское губернское общество краеведения, был секретарем и председателем его юношеской секции, активно участвовал в различных археологических, этнографических, историко-экономических экспедициях, публиковался в печати,

В Омске он работал старшим научным сотрудником в ГАО, затем – заместителем начальника архивного отдела.

Активно занимался Вячеслав Ильич и лекционной деятельностью. Сохранилась справка заместителя начальника Дома Красной Армии им.Фрунзе (ДКА), что В.Стрельский в ноябре 1942 г. прочитал 4 лекции в госпиталях и ДКА для комсостава (охват – 730 человек). Предполагательно за период пребывания в Омске он прочитал 100 лекций в воинских частях, госпиталях, на предприятиях, выступал на радио.

Вышедшие из печати брошюры В.Стрельский пересылал из Омска на фронт. В переданной коллекции имеются

и публикации материалов об Отечественной войне 1812 г. названы работы В.Стрельского, В.Дулова, А.Лейфера списавшего с сыном В.Дулова – доктором исторических наук А.Дуловым, также жившем в Иркутске. С ним на одной из краеведческих конференций познакомилась и Л.В.Шевченко. К сожалению, А.В.Дулов никакими сведениями и документами о сотрудничестве отца с В.Стрельским не располагал.

Долгие годы в центральном музее Советской Армии в Москве хранилась книжка Дулова и Стрельского, пробитая пулей фашиста и обгаженная кровью неизвестного солдата.

В феврале 1944 г. В.И.Стрельский был отозван на Украину. В составе бригады историков-архивистов он собирал архивные документы, принимал меры по их спасению. Бригада с участием В.Стрельского обнаружила архив рейхскомиссара Украины Э.Коха, документы из которого фигурировали на Нюрнбергском процессе.

В 1944–1947 гг. Вячеслав Ильич работал директором ШПА УССР и одновременно на кафедре архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин Киевского университета, заведовал которой до конца жизни, в 1949–1969 гг. был заместителем проректора, проректором университета.

Доктор наук, профессор, автор более 120 научных трудов. Основным направлением его научно-исследовательской деятельности были историко-краеведческие дисциплины. Он являлся автором ряда учебников по историко-краеведению истории СССР, одним из крупнейших специалистов в этой отрасли знаний на Украине.

Вячеслав Ильич – участник многих международных конгрессов, конференций, был в руководстве Археологических комиссий АН УССР и СССР. Долгие годы являлся редактором «Вестника Киевского университета» заместителем

леса редактора журнала «Памятники Украины», членом редколлегии «Советской энциклопедии истории Украины», журнала «Архивы Украины» и других изданий. Неоднократно утверждался заместителем председателя секции истории общества «Знание» Украины.

Талантливы В.Стрельский был не только в этом. Он очень увлекался живописью, писал картины маслом, акварелью, карандашом, многие из них экспонировались на выставках и были высоко оценены.

После смерти ученого в 1983 г. Институт истории, Государственная историческая библиотека АН УССР в честь его заслуг подготовили биобиблиографический указатель. Вступительную статью о жизни и деятельности историка написал его ученик Ю.Данчак. В указателе вошли также перечень литературы о Стрельском, указатель его трудов. Эта работа была отмечена С.О.Шмидтом в выступлении на 1-й Всесоюзной краеведческой конференции в Полтаве.

Всю плодотворную, творческую жизнь ученого можно проследить по материалам переданной в архив коллекции. В ближайшее время она войдет в массив документов об омских архивистах.

К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Исторический архив Омской области выпустил издание «Сибирь в Отечественной войне 1812 года», куда вошли работы В.И.Стрельского и Г.Я.Шевцовой, работавшей в 1980–1990-х гг. в нашем архиве, и также подготовившей материал по данной теме. Эта книга вышла в свет в Омске в 2011 г. По адресу, который был указан в переписке Лейфера с Л.Г.Шевченко, мы отправили письмо, надеясь, что там и до сих пор проживают его потомки. И не ошиблись. Получившая письмо внучка, передала его Ларисе Вячеславовне, от которой мы получили ответ. В ее адрес было направлено несколько экземпляров нашего издания. Попросили мы, и пополнили коллекцию новыми материалами об отце. Мы получили посылку с несколькими его печатными работами, с книтою украинских историков «Профессор В.И.Стрельский», написанной к 100-летию со дня рождения и изданной в 2010 г. Все эти материалы были включены в состав архивной коллекции.

Людмила Ивановна Огородникова, начальница отдела использования и публикации документов. Исторического архива Омской области.

*Газета архивистов города Свердловска (№ 10 от 27 октября 2016 года)
со статьёй Людмилы Ивановны Огородниковой о деятельности В.И. Стрельского
в эвакуации в архиве Омской области и его последующей судьбе.
Сайт Исторического архива Омской области.*

Проведённые этой мини-экспедицией *небольшие раскопки в Каменце*, на месте находки, открыли следы приречных погребений готско-гуннского круга в каменном склепе. Место погребения оказалось перерыто ошалевшими от изобилия драгоценного металла крестьянами, так что в культурном слое археологам удалось выяснить немного⁸¹.

⁸¹ См.: Мацулевич Л.А. Суджанские находки и очередные задачи краеведения // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 4–6.

Под впечатлением суджанских драгоценностей, вслед за столичными учёными на место той же находки выехали курские музейщики во главе с Л.Н. Соловьёвым. Они обследовали побережье Псла в ближней округе села и зафиксировали несколько поселений эпохи бронзы и раннего железа ⁸². Тем же летом куряне ещё раз выбирались на археологическую разведку — в район реки Оскола, с заходом на полуразрушенный белгородский могильник.

В августе 1929 года Л.Н. Соловьёв и Вячеслав Ильич Стрельский (1910–1983) несколько дней искали археологические объекты по берегам Сейма возле деревни Полевой, неподалеку от Курска. «В результате обнаружены были и прекращены хищнические раскопки, дополнена археологическая карта» ⁸³. А в сентябре они же выезжали по заявке крестьян деревни Сапогово осматривать провалы в почве, оказавшиеся вроде сугубо геологическим явлением.

Сын курского чиновника, журналиста и литератора-любителя, члена Учёной архивной комиссии *Ильи Дмитриевича Стрелкова-Стрельского* (расстрелянного в 1938 году, несмотря на некоторые революционные заслуги) ⁸⁴, этот юный краевед сделал псевдоним отца своей фамилией («стрельцы» — жители Стрелецкой слободы города). Поначалу он, кроме археологических экскурсий, занимался ещё фольклористикой, соответствующими очерками дебютировал в печати ⁸⁵. Уехав получать высшее образование из Курска от греха подальше — в Московский историко-архивный институт, Вячеслав впоследствии «достиг степеней известных» — стал настоящим историком, специалистом по

Попутно отметим рецензию Б.А. Рыбакова на книгу Л.А. Мацулевича «Погребение варварского князя в Восточной Европе» // За большевистскую книгу. 1935. № 15–16. С. 6–7. Автор рецензии (в духе своей автохтонистской концепции восточного славянства) утверждает связь этих суджанских погребений с оседлым населением бассейна реки Псла и категорически отвергает их связь с готами. Как видно, антинаучность большинства построений Рыбакова не помешала, а помогла ему стать академиком и возглавить всю советскую археологию.

⁸² Археологические разведки // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 3.

⁸³ ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 48. Л. 122 об.

⁸⁴ *Илья Дмитриевич Стрелков* (1881–1938) — курский журналист и литератор-любитель (псевдоним «Стрельский»), издатель журнала «Курский театр» (1915–1916), «Путеводителя и делового справочника по городу Курску» (2013), других изданий.

См. о нём: *Михайлова И.П.* «Тайна жизни бытия» Ильи Дмитриевича Стрельского // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «Русская филология». 2016. № 3. С. 79–85.

⁸⁵ См.: *Стрельский В.И.* Песни, частушки, заговоры и малопонятные слова дер. Конево Курского уезда // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 3; *Его же.* Приметы, предрассудки, пословицы и протяжные песни крестьянок дер. Конево Курского уезда // Там же. 1927. № 6.

источниковедению, доктором наук, профессором Киевского университета, руководил Центральным историческим архивом Украины ⁸⁶.

В сентябре 1930 года небольшие раскопки под Рыльском, в деревне Сучкино (ныне село Октябрьское) произвёл Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958), уже тогда весьма авторитетный археолог, научный сотрудник ГАИМК и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) в Ленинграде. Будучи уроженцем Воронежа, Сергей Николаевич начинал свой путь в науку как сотрудник Воронежского музея и состоял членом тамошнего краеведческого общества. Ещё на рубеже 1920 – 1930-х годов он приезжал в Курск — проверить старые сообщения здешней Архивной комиссии об «умрихинском мамонте» (см. предыдущую главу), но тогда ему не повезло обнаружить сеймский палеолит.

Об аналогичной находке — костей мамонта в деревне Сучкино (ныне хутор Октябрьский Рыльского района) при земляных работах ещё в 1925 году сообщила в ГАИМК директор Рыльского музея С.К. Репина, переслав учёным рисунки кремней и просьбу провести работы на месте их нахождения. Осенью тамошними крестьянами, копавшими яму под бурт для картофеля, была найдена в земле кость мамонта, которую они доставили в Рыльский краеведческий музей. Выехавший в Сучкино сотрудник музея А.П. Андреев, обследовав выкопанную землю и стенки ямы, с обломками костей обнаружил три кремнёвых орудия. Лишь через пять лет сотрудник ГАИМК С.Н. Замятнин приехал осмотреть место находки. Раскопки, в которых приняли участие А.П. Андреев и геолог Б.М. Даньшин ⁸⁷, велись 23–25 сентября 1930 года. В непосредственной близости от места находки заложили 4 шурфа. Культурные остатки состояли из отщепов, отдельных кремнёвых орудий и осколков костей, принадлежавших одной особи мамонта. По заключению Замятнина, здесь оказалась «вскрыта не обычная

⁸⁶ Его итоговый труд: *Стрельский В.И.* Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. О заслугах В.И. Стрельского-источниковеда см.: *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 51–52, 167–168, 171–172, 181–183, 233–234.

⁸⁷ *Борис Митрофанович Даньшин* (1891 – июнь 1941) — киевлянин по рождению, сын полковника Русской армии. Геолог, кандидат геолого-минералогических наук (1938), сотрудник Геологического комитета СССР. Выпускник геологического факультета МГУ (1917). Много потрудился над геофизической съёмкой и геологической картой Московской и других областей Центральной России. Консультант на строительстве московского метрополитена. В 1933 году арестовывался вместе с большой группой московских геологов, но после допросов был освобождён. По рассказам однодельцев, отказался подписать сфабрикованное чекистами обвинительное заключение. См.: *Репрессированные геологи. Биографические материалы.* М. – СПб., 1995. С. 57. Внёс вклад в изучение природы ЦЧО: *Даньшин Б.М.* Геологическое строение западной части ЦЧО. Воронеж, «Коммуна». 1931. 25 с. Успел поработать на строительстве оборонительных сооружений Москвы.

картина палеолитического поселения, а скорее следы кратковременного охотничьего лагеря на месте добытого мамонта»⁸⁸.

*Русский геолог В.М. Даньшин.
Портрет с сайта Википедии.*

Полувеком позже, в 1986–1988 годах рядом всё же оказалась разведана и раскопана Сергеем Николаевичем Алексеевым из Института антропологии МГУ настоящая стоянка людей каменного века (Октябрьское–2). Так что Сергей Николаевич Замятнин погорячился, сделав поспешный вывод на слишком скудном материале. Тем не менее именно он тогда, в результате своих рыльских раскопок окончательно доказал наличие палеолитической культуры в Посеймье⁸⁹. Однако характер присутствия здесь древнейшего человека (оседлость? миграция?) и после Замятнина ещё довольно долго оставался неясен.

В 1937 году другой известный археолог (из Белоруссии) — *Константин Михайлович Поликарпович* (1889–1963) прошёл с разведкой на следы палеолита по правому берегу Сейма на всём его протяжении по

⁸⁸ *Замятнин С.Н.* Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. Вып. VIII. М.–Л., 1940. С. 98.

⁸⁹ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Первые находки останков курских мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятниним палеолита на Сейме // Археология Чернозёмного Центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999.

Курской области, но практически безрезультатно ⁹⁰. Как видно, масштабное открытие культуры каменного века на территории Посеймья тогда ещё не созрело. А Поликарпович не потрудился проштудировать необходимую литературу, начиная с известной сводки А.А. Спицына «Русский палеолит» (цитированной выше), где пусть и со знаком вопроса значилось и курское местонахождение.

В июне 1929 года Курский музей «стал перед необходимостью произвести небольшие раскопки в соседстве быв[шего]. Троицкого женского монастыря [в историческом центре Курска, на самом его посаде — С.Щ.], где при прокладке водопровода были обнаружены человеческие скелеты. Произведённые по поручению музея т. Соловьёвым осмотр места находки, а также раскопка трёх погребений, затронутых канавой водопровода, установили существование в центральной части города: 1) следов поселения, предшествовавшего возобновлению г. Курска в конце XVI в.; 2) следов значительного кладбища, относящегося к XVII в., или несколько более ранней эпохи» ⁹¹. Эта находка лишней раз свидетельствовала о том, что древний Курск не полностью запустел после монголо-татарского нашествия и в каком-то поселенческом качестве существовал и в XIV–XVI веках.

А 12 ноября 1930 года курским любителям археологии посчастливилось зачищать культурный слой явно домонгольского периода, открывшийся при строительстве в Профсоюзном саду — на территории опять же начала посада древнего Курска. Тогда оказались «открыты следы подвала со стоящими в нём тремя корчагами великокняжеской эпохи. Одна из них была извлечена в целом виде и помещена в музей. Эта работа не закончена вследствие наступления морозов» ⁹², а на следующий сезон — по отсутствию средств и специалистов.

Между прочим, похожие находки — большеразмерных сосудов домонгольского периода — встретились археологам под руководством

⁹⁰ Отчёт К.М. Поликарповича об обследовании палеолита Курской области в 1937 году // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 2. Оп. 1937 года. Д. 225.

Константин Михайлович Поликарпович (1889–1963) — белорусский археолог, специалист по палеолиту. См. о нём: *Чубур А.А.* Очарованный древностью. К.М. Поликарпович: жизнь, открытия, ученики // Сайт «Археология России», 2005.

⁹¹ ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 52. Л. 81.

Все историки и краеведы признавали исчезновение Курска как города после монгольского разгрома и вплоть до основания тут московской крепости. Сравните мою аргументацию о непрерывном существовании летописного Курска на месте его исторического центра: *Щавелёв С.П.* Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; *Его же.* Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвящённой 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106–108.

⁹² ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 44. Л. 24 об.

Н.А. Тихомирова и В.В. Енукова, продолжившим уже в 1990-е годы раскопки в историческом центре Курска ⁹³. К сожалению, продолжить охранные раскопки здесь в 1930-е годы курским музейщикам не удалось (ни специалистов-археологов уже, ни денег на это в музее тогда не оказалось благодаря антинаучной политике большевиков). Между тем городская застройка исторического центра города особенно интенсивно уничтожала его культурный слой именно в годы социалистической реконструкции, военного разгрома и послевоенного восстановления из руин.

Кроме перечисленных небольших разведок, несколько ещё более поверхностных поисков археологических памятников предпринимали в ту пору уездные краеведы — в Коньшёвке, Дмитриеве, Медвенке, Щиграх. Все они были связаны с пресечением грабительских раскопок или распашки курганов местными жителями, в условиях НЭПа особо жадными до пахотной земли и её якобы баснословных сокровищ-кладов. Так, в 1927–1928 годах некто И.И. Булавинцев (о котором мне ничего не известно) обследовал городища у села Михайловки-Льговской и у деревни Снижи (на одноимённой речке).

Надо сказать, официальное поощрение советскими властями массового движения краеведов, хотя и не долгое, принесло не только пользу, но и вред археологии. Немало древних земляных насыпей оказалось в 1920-е годы бесполезно уничтожено малограмотными, но самоуверенными «краеведами», особенно сельского да уездного масштабов. К примеру, из Белгородского уезда Курской губернии в Центральное бюро краеведения сообщалось: в одной из деревень «группа крестьян, в главе с бывшим учителем, искала в курганах “бронзы и золота”, под предлогом обратить находку в деньги, чтобы организовать на них какое-то просветительское учреждение. Драгоценных металлов не нашли, вырытые кости, черепа, глиняную посуду, пепел, угли с пренебрежением разбросали» ⁹⁴. В самом Курске об этом инциденте, похоже, так и не узнали, как и о многих других в том же варварском духе. Самовольных, хищнических «раскопок» случилось в 1920-е годы явно больше, чем десятилетиями раньше или позже, когда политические режимы тоталитаризировались и народ побаивался ковырять чужую землю.

Усиленное разграбление памятников старины — один из социально-психологических симптомов революционных, кризисных отрезков Новейшей истории России.

За всю «золотую десятилетку» курского краеведения его энтузиастам лишь однажды удалось произвести настоящие *археологические раскопки*. В 1925 году сотрудники музея и члены Общества краеведения во главе с Г.И. Булгаковым выбрали-таки на пригородное Шуклинское городище и

⁹³ См.: Енуков В.В. Раскопки посада древнего Курска // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 133.

⁹⁴ Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 5. С. 154.

раскопали поблизости от него курган, да сделали разрез вала и рва. По оценке держателя открытого листа Главнауки на эту экспедицию М.В. Василькова, раскопка кургана «указала на трупосожжение, с урной. Раскопки же вала и рва ничего не дали»⁹⁵ — надо понимать, из вещей, а зафиксировать стратиграфию остатков фортификационных сооружений самодеятельные археологи не умели. Поначалу они даже решили, что «Шуклинское городище должно быть отнесено к эпохе позднего неолита», хотя сами нашли на распахиваемом селище железный нож, костяную проколку и лепные черепки, ошибочно отнесённые их коллегой Соловьёвым к финнам.

К сожалению, материалы этой экспедиции опубликованы не были, даже полевой дневник не отложился в фондах, переданных из музея в Государственный архив Курской области. Документация теперь ограничивается фразой из годовичного отчёта музея с более точной квалификацией тогдашних находок: «Раскопки кургана у села Поповки дали новый материал по культуре северян IX–X вв. (установлен обряд погребения, найдены 3 глиняных горшочка)»⁹⁶. Реконструкция же языческого трупосожжения «славянина IX века» в шуклинском кургане украшала какое-то время антирелигиозный отдел губмузея. Напомню, что отделы дореволюционной истории в нашем и других местных музеях были в самом начале 1930-х годов закрыты — вместе с запретом краеведческих объединений.

Данные тогдашних раскопок приобретают новую ценность сейчас, когда (в 1998 году) ещё один курган той же Шуклинской группы раскопан сотрудниками Курского музея археологии под руководством А.В. Зорина. Эта могила содержала позднероменское, судя по гончарной керамике, рубежа X–XI веков, погребение, сходное по обряду с тем, что изучили первые курские краеведы⁹⁷. Затем там же велись археологические работы В.В. Енуковым из Курского государственного университета в связи с находкой монетного клада — арабских дирхемов той же роменской эпохи⁹⁸. Археология вообще, как самая практическая наука, растёт сугубо поэтапно, кумулятивно. Штурмом разведать, не то что раскопать целый регион невозможно.

Между тем накануне закрытия Курского общества краеведения его руководители (то есть опять-таки Булгаков и немногие его

⁹⁵ ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.

⁹⁶ ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 44. Л. 24–24 об.

⁹⁷ См.: Зорин А.В. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посеймья в конце X в. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы юбилейной конференции. М., 1999; *Его же*. Курганный могильник у с. Шуклинка Курской области и особенности погребальной обрядности Посеймья рубежа X–XI вв. // Ю.А. Липкин и археология Курского края. Курск, 2005.

⁹⁸ См.: Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П. Шуклинский клад дирхамов X в. и его археологический контекст // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 14–36.

единомышленники) составили на удивление точный и перспективный список археологических объектов, которые надлежало раскопать в первую очередь. Соответствующий документ заслуживает быть процитированным полностью и нуждается в комментариях современного историка. Итак: «*План работы культурно-исторической секции Курского общества краеведения на пятилетие с 1929/30 по 1932/33 годы*»:

1. Составление и издание археологической карты Курского края — 120 руб. [Подготовлена к печати в Институте археологии РАН А.В. Кашкиным только в 1996 году; опубликована в Москве в 1998–2000 годы — С.Щ.].

2. Проведение сплошной археологической разведки по Западным округам ЦЧО — 10 выездов — 500 руб. [Проведена лишь в 1970 – 1980-е годы Центрально-Чернозёмным отрядом новостроечной экспедиции Института археологии РАН во главе с П.Г. Гайдуковым, А.А. Узяновым, А.В. Кашкиным, некоторыми другими археологами, причём выборочно, пока ещё не по всем районам области. В дальнейшем мало-мальски систематические разведки здесь прекратились, несмотря на наличие в Курске групп археологов в администрации, музее и в университете — С.Щ.].

3. Составление и издание схематического археологического очерка края [Таковым можно считать пока разве что брошюры Ю.А. Липкинга 1960 – 1970-х годов выпуска, да более современные обзоры, составленные А.В. Зориным, о которых ниже — С.Щ.].

4. Разработка и издание обзора археологических работ по краю [Первые научные работы о курских древностях начали выходить из печати в 1950 годы и до сих пор их выходит слишком мало; отсутствуют монографии даже по капитально раскопанным и уникальным памятникам (вроде палеолитической Авдеевки или славяно-русско-монгольской Рати, а также Курска, Рыльска, Гочева) — С.Щ.].

5. Разработка и пополнение археологических коллекций музея [Эти меры начали осуществляться только с созданием в Курске в 1993 году самостоятельного музея археологии; добрая половина археологических находок теперь поступает в так называемый музей археологии Курского государственного университета, где остаётся сваленной в кладовках — С.Щ.].

6. Раскопки археологических памятников в 10 пунктах — 2 000 руб.:

а) Самодуровский курган на водоразделе Оки и Свапы [его беглая разведка осуществлена Посеймской экспедицией В.В. Енукова в 1999 году, а затем брянским археологом В.Н. Гурьяновым; оба выезда без особых результатов — С.Щ.];

б) Шуклинское городище близ Курска [шурфовалось и раскапывалось экспедицией Института археологии АН СССР в начале 1950-х гг. под руководством Т.Н. Никольской, в настоящее время под угрозой разрушения строительными работами; охранные раскопки одного из уцелевших курганов

произведены А.В. Зориным в 1998 году, затем В.В. и О.Н. Енуковыми в связи с находкой клада дирхемов — С.Щ.];

в) поле погребальных урн у с. Лебяжье близ Курска [раскапывалось экспедицией КГПИ под руководством Ю.А. Липкинга в 1960-е годы, см. ниже посвящённую ему главу; затем изучалось и публиковалось Н.А. Тихомировым; в настоящее время под угрозой частичного разрушения строительством моста через Сейм — С.Щ.];

г) поле погребальных урн в урочище Солянка близ Курска [природные всхолмления этого урочища, ошибочно принимавшиеся за курганы, раскапывались В.В. Енуковым в 1995 году — С.Щ.];

д) Кудеяров городок Медвенского района;

е) «Курган» у с. Курская Ольховатка;

ж) Ратманское городище близ с. Городища Бесединского района [раскапывалось экспедицией под руководством В.В. Енукова в 1990–1992 годах, а затем с 2014 года по настоящее время — С.Щ.];

з) городища близ с. Бушмино [и Гочево — С.Щ.] Обоянского района [раскапывались в 1937, 1939 годах экспедицией Государственного Исторического музея и Курского краеведческого музея под руководством доц. Б.А. Рыбакова; в 1990-е годы охранные (от кладоискателей и хозяйственных работ) раскопки продолжены экспедицией Курского музея археологии под руководством А.В. Зорина и Г.Ю. Стародубцева и продолжаются по сей день, однако современным анализам находки оттуда не подвергаются; обобщающих работ относительно уникального памятника (после обзорной статьи Е.А. Шинакова 1982 года) как не было, так и нет — С.Щ.];

и) поле погребальных урн близ с. Хотмыжска Белгородского округа [«В начале 1980-х гг. к исследованию Хотмыжского археологического комплекса приступила Славяно-русская археологическая экспедиция Белгородского педагогического института»⁹⁹ под руководством Александра Григорьевича Дьяченко; раскопки далеко не завершены, предварительные результаты не обработаны в связи с болезнью и инвалидностью руководителя экспедиции];

к) крепость города Курска [укрепления первоначального детинца, а затем и примыкающая к ним изнутри площадка раскапывались в 1990-е годы под руководством В.В. Енукова¹⁰⁰; автор этих строк участвовал в шурфовке

⁹⁹ Дьяченко А.Г. Хотмыжское городище // Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке. Белгород, 1990. С. 28; *Его же*. Древний Хотмыжск. Белгород, 1996; Черкашина Г.Д. Хотмыжск — крепость Белгородской засечной черты // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1996.

¹⁰⁰ См.: Енуков В.В. Изучение топографии средневекового Курска: итоги и перспективы // Материалы региональной научной конференции «Археология юго-востока Руси». Елец, 1998.

детинца и посада древнерусского города — С.Щ.; затем в том же районе продолжил раскопки А.В. Зорин]»¹⁰¹.

Как видно из моих комментариев к старому краеведческому плану, почти все перечисленные в нём памятники действительно оказались раскопаны столичными и курскими археологами, но гораздо позднее, в 1950 – 2000-е годы. А тогда, в раннесоветском прошлом, по мере строительства социализма полевая археология в провинции быстро замерла на отметке, близкой к нулевой. Мизерный бюджет Курского краеведческого общества из года в год сводился с дефицитом, и средств на мало-мальски отдалённую и продолжительную экспедицию просто не было. Когда областная плановая комиссия отклонила смету краеведов на очередную пятилетку, перед ними встал вопрос, как и за счёт чего можно сократить расходы. В этой ситуации Л.Н. Соловьёв, по всей видимости, побоялся вылезать со своей любимой археологией и «обратил внимание на необходимость учёта вновь выдвинутых жизнью вопросов и дать им отражение в заявке, включив, например, старую деревню, антирелигиозный вопрос и др.»¹⁰². Тогда и Г.И. Булгаков поступился частью своих заветных замыслов археолога, но не капитулировал вовсе. Признав, скрепя сердце, «что хотя археологический материал не имеет доминирующего значения в намеченном пятилетнем плане, всё же заявку на экспедиционные работы по культуре, истории и этнографии дать надо».

В результате этой стычки сервизизма с достоинством исследователя в «Плане экскурсионно-обследовательных и лабораторных работ Курского губернского общества краеведения на 1928/29 годы» остались по археологической части следующие пункты:

«3) Раскопки Ратского, Шуклинского и у с. Лебяжьего городищ. Установление границ древних поселений: финны — славяне — татары — славяне. — 300 руб.;

4) Составление археологической карты Курского, Белгородского и Львовского округов. Выезды по Сейму, Тиму, Ворскле, Донцу. Руководитель Л.Н. Соловьёв. Один выезд в быв. Щигровский уезд — Г.И. Булгаков. По 50 руб. на выезд. — 250 руб.»¹⁰³.

Тем не менее, в связи с общим сокращением губернского бюджета по культурно-просветительским и научно-исследовательским статьям его, *субсидия краеведам* оказалась безжалостно — в 10 раз урезана и составила на всё про всё 300 рублей на 1929-й и 250 рублей на 1930 год, «что является не только недостаточным для проведения каких бы то ни было мало-мальски серьёзных научно-исследовательских работ, но даже весьма скромной поддержкой издательской деятельности»¹⁰⁴ Общества краеведов. Так писал в протесте (бесполезном) окружкому ВКП(б) очередной председатель

¹⁰¹ ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Л. 38.

¹⁰² Там же. Д. 39. Л. 55.

¹⁰³ Там же. Д. 35. Л. 45 об.

¹⁰⁴ Там же. Д. 42. Л. 59.

краеведов, новый заведующий губмузеем, партийно вполне выдержанный товарищ А.С. Молчин. Не помогло и специальное ходатайство Центрального бюро краеведения перед Курским губисполкомом «об усилении субсидии Обществу изучения Курской губернии».

Итак, Г.И. Булгакову и его ближайшим сотрудникам не хватило нескольких лет жизни на свободе и нескольких сот рублей казённого пособия для того, чтобы ещё с конца 1920-х годов продолжить археологическое изучение Курского края своими, местными силами. Философ Эдмунд Гуссерль сравнил «чистого» методолога с точильщиком, который не переставая точит нож и, в конце концов, стачивает его вовсе о точильный камень, так и не употребив в дело. Курские краеведы с их многочисленными планами, листовками, методичками и инструкциями по археологии и этнографии ¹⁰⁵, раз в год, и то по обещанию (губернских начальников оплатить минимальные командировочные) выбирающиеся посмотреть на тот или иной памятник, пообщаться с крестьянами-сказителями фольклора, оказались в подобном положении.

Безденежье останавливает исследователя, но он может заняться чем-то другим ради хлеба насущного. А советских краеведов ждала, и очень скоро, куда более страшная участь, нежели прекращение научных да просветительских занятий. Советская контрразведка решила их убить.

* * *

*«Есть русская интеллигенция.
Вы думали нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь».*

*А.А. Вознесенский.
1975 год.*

Как видно читателю, из этого параграфа — сам собой, без задумки автора — получился своего рода исторический эксперимент. На его страницах упомянуты имена нескольких русских интеллигентов, которые волею судеб на момент переворота 1917 года оказались на территории Курской губернии или же были тесно с нею связаны своей жизненной

¹⁰⁵ См.: *Булгаков Г.И.* Очередные задачи краеведческой работы учительства Курской губернии // *Известия Курского губернского общества краеведения.* 1927. № 3; *Его же.* К вопросу об учёте археологических памятников Курского края // Там же. 1927. № 4; *Его же.* Очередные организационно-методические вопросы краеведческой работы в Курской губернии // Там же. 1928. № 1; *Его же.* Вопросы организации и методики краеведческой работы // Там же. 1928. № 3; *Черномордик Э.И.* Вопросы методологии краеведения в современной краеведческой литературе // Там же. 1927. № 6; *Молчин А.С.* Задачи краеведения в социалистическом преобразовании ЦЧО; *Стрельский В.* Для чего нужны краеведческие объединения молодёжи и их основная работа // Там же. 1928. № 4–6.

судьбой. Они были разного происхождения и разных специальностей, занятий. Небольшая часть — из дворян. Впрочем, не очень-то титулованных; кто-то из мелкопомещичьей или же военно-офицерской среды. Но большая часть — самые что ни на есть разночинцы: дети крестьян, рядовых священнослужителей, купцов средней руки, народных учителей, земских деятелей и тому подобных сословий; на аристократический взгляд — шушера. При этом все они — заметьте — получили одинаково достойное образование — гимназии или же реальные училища, семинарии дали им знания древней и новой истории, нескольких древних и новых европейских языков; далее — мирового уровня специальную подготовку в самых разных областях: геологии, археологии, истории, палеографии, географии, биологии, зоологии, зоотехники, агрономии, ботаники, флористики, теологии и разных других. Никто из них сколько-нибудь активно не выступил против революционного переворота, против новой власти большевиков. Напротив, они вынуждены были покинуть места своего проживания в столицах и других центрах из-за голода, безденежья и преследований ЧК. Сознательно или невольно они оказались на территории Курского края. Здесь они принялись активно работать каждый по своей части: проводить археологические разведки, биологические экскурсии с соответствующими сборами; писать популярные статьи и брошюры о прошлом и настоящем этого края; выводить новые полезные сорта растений, читать бесплатные лекции местному населению, учить детей и подростков, создавать музеи, сохранять там сокровища искусства из разоряемых усадеб; делать многое ещё другое, бесспорно полезное согражданам.

У этих людей были разные политические взгляды. Среди них были и вполне аполитичные лица, и монархисты, и конституционные демократы, и вполне себе идейные социал-демократы, участники революции 1905 года (в прошлом). Новые власти на всё это не посмотрели и наказали всех энтузиастов-краеведов одинаково жестоко. Идеологи нового режима и его политическая полиция ревностно делали свою работу по выявлению всё новых и новых «врагов народа», и краеведы были объявлены таковыми в своё время. Когда сколько-нибудь настоящих оппозиционеров чекисты уже перебили, краеведы сгодились на роль априорных жертв из «пятой колонны» против советской власти. А ведь они не были её врагами; на практике — союзниками, помощниками. Но их достижения опричники нового режима превратили в доказательства вины.

В результате новые большевистские власти не поддержали, а наказали всех краеведов неведомо за что: уволили с работы, выбросили на улицу из занимаемых по праву жилищ, лишили избирательных прав и продовольственных карточек; многих арестовали и выслали без суда в Северный край, заключили в концлагеря или расстреляли.

Ценности, спасённые и созданные этими людьми, могли бы принести СССР многие миллионы долларов валютной выручки: живописные полотна передвижников и других художников, античные статуи в Рыльском и

Курском музеях; полезные ископаемые, разведанные в ЦЧО; ценные сорта пищевых и декоративных растений, выведенные в Дмитриеве; там же сделанные выводы о правильном в регионе земледелии; спасённые от расхищения и переданные в Оружейную палату Кремля драгоценные находки из гуннских и готских погребений; многие другие материальные, не говоря уже о духовных, ценности. Большевики всё это присвоили, а авторов таких достижений репрессировали. Поломали им жизнь: заставили сменить место жительства, профессию; а многих, повторю, сразу или со временем просто убили, лишили здоровья и самой жизни.

Но сломать и сломить русскую интеллигенцию не удалось. Уничтожив физически заметную её часть, поломав жизнь оставшимся в живых, неистовые ревнители коммунистической идеи не сумели полностью выкорчевать интерес образованных людей к прошлому своей родины. В музеях, архивах, библиотеках, школах оставались хранители русских древностей. Идея историзма оказалась выше угрозы получить пулю в затылок.

*Три поколения курских историков. 2010-е годы.
Слева направо от зрителя: С.П. Щавелёв, А.Н. Курцев, Ю.В. Озеров.
Фото В.М. Раздорского.*